

Нертыные острова

ПЬЕСА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод

И. Горкиной и Р. Розенталя

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мисс Дебора Грей, председательница Островной нефтяной компании.

Полковник Монсон, директор.

Дядюшка Обадия, шеф отдела рекламы.

Лелио Холидей, начальник участка.

Снифкинс, из тайной полиции.

Х. Б. Ингрэм.

Мисс Чармиан Перучача.

Виконт.

Редактор торгового отдела газеты «Стар».

Мистер Голдсмит.

Патрик.

Тэд Келви.

Киноактер Оверуик.

Капитан, офицер, стюард, пассажиры парохода «Перучача», офицер портовой полиции, толпа на набережной, дворецкий мисс Перучача, директора Островной компании, гости мисс Перучача на юбилейном празднестве, три комиссара, публика и гости на автомобильных гонках, слуга мисс Грей.

Время действия 1923 год.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

На пути к Нефтяным островам. На борту парохода «Перучача». Граммофон исполняет «Песню о Коричневых островах».

Это песнь о Коричневых островах,
Где чахнут мужчины и женщины тают,
И все Обезьяна держит в руках.
Деревья от нефти там засыхают.

Едешь, Фредди?

Что ты, Тедди!

Сердца не греет один чистоган,
А в зоопарке полно обезьян.

Ты знаешь Коричневые острова?
Мужчины там плохи и женщины тают.
Там Обезьяна всему голова.
Кто прибыл здоровым, больным уезжает.

Едешь, Фредди? и т. д.

Приедешь здоровым, гляди — зачах.
Царит Обезьяна в делах и в постели,
И деньги, и право у ней в руках,
Мужчины покорны в делах и в постели.

Едешь, Фредди? и т. д.

Воняет нефтью на островах
И кожи цветной букетом пряным,
Но доллар не пахнет в хозяйских руках,
Не властен никто над Обезьяной.

Едешь, Фредди? и т. д.

Снифкинс. Прошу не ставить этой пластинки.

Пассажир А. Каждый имеет право ставить пластинки, какие ему нравятся. Пой, кому поется!

Снифкинс. Прошу вас не ставить пластинки с «Песней о Коричневых островах». Я — с Коричневых островов.

Пассажир А. Если вы с Коричневых островов, вам, наверное, интересно узнать, что в Европе обезьяны обоего пола теперь в цене.

Общий смех. Снифкинс хочет дать ему пощечину.

Пассажир Б. (бросается между ними). Не обращайтесь внимания на его болтовню. Это — виски.

Снифкинс. Господин капитан, на пароходах порядочных компаний принято считаться с национальными чувствами пассажиров. Я с Нефтяных островов! Прошу вас запретить исполнение этой непристойной песенки.

Пассажир А. Запретить «Песенку о Коричневых островах»? Да где вы здесь возьмете столько полицейских? Разве что всю рыбу в море поставите на службу полиции?

Капитан. Не могу же я, сударь, запретить моим пассажирам петь то, что им доставляет удовольствие. Впрочем, это скверная песенка, она не стоит граммофонной пластинки.

Пассажир А. снова заводит граммофон.

Снифкинс. Значит, вы отказываетесь запретить песню?

Капитан не отвечает. Снифкинс разбивает пластинку.

Капитан. Это грубо и бестактно, сударь! Вы заплатите за это сто долларов в кассу вспомоществования Общества Перучача. И прими я против вас более суровые меры, меня, полагаю, поддержало бы большинство пассажиров.

Снифкинс. Порядочная судоходная компания уважает законные чувства своих пассажиров. Я буду жаловаться в управление судоходства. Впрочем, что спраши-

ить с компании, которая получила концессию на столь сомнительных юридических основаниях!

Капитан. Я никого не заставляю занимать каюты на моем пароходе. И я просил бы вас просушивать ваши драгоценные мысли в вашем драгоценном мозгу, прежде чем вывешивать их на мачту.

Пассажир А. Раз пластинка разбита, давайте составим мужской хор и споем «Песню о Коричневых островах».

Капитан. Охота вам дразнить его! Ведь он с Нефтяных островов, — а это нелегкая доля.

Ингрэм (плотный мужчина, лет тридцати пяти, подходит к одиноко сидящему Патрику). Какой приятный, дружелюбный тон царит у нас на борту, вы не находите, молодой человек?

Патрик. Через полчаса мы войдем в порт.

Снифкинс. Это мы еще посмотрим, сударь!

Патрик. Многие держали пари три против одного, что пароход даже в море не выйдет. Если Обезьяна не помешала отплытию судна...

Снифкинс. Не смейте говорить: «Обезьяна»!

Ингрэм. Не сердитесь. Он не хочет сказать ничего обидного. Вы, вероятно, единственный на этом пароходе и на островах не называете ее Обезьяной.

Патрик. Теперь бояться нечего. Когда пароход почти у цели, она не мешает ему войти в порт.

Снифкинс. Это мы еще посмотрим! (Удаляется.)

Патрик (Ингрэму). Вы уже были когда-нибудь на Нефтяных островах?

Ингрэм. Нет.

Патрик (стюарду). Вы там бывали, стюард?

Стюард. Без нужды никто туда не поедет, сударь.

Патрик. Вы и на берег не сойдете?

Стюард. Нет, не намерен. Стюард, если он человек с жизненным опытом, туда не сунется. Как-то раз Обезьяна уже велела привести к себе одного из наших, молодого парня приятной наружности. И больше мы его не видели — как в воду канул.

Патрик. Это не вышки вон там впереди?

Стюард. Не знаю, сударь.

Ингрэм. Здесь не любят говорить об островах. Опасаются, что у Обезьяны везде есть уши.

Стюард. Мы не какие-нибудь суеверные негры, сударь. Но тут повсюду скрыты радиоприемники и невесть что еще. Вблизи Коричневых островов первая заповедь — держи язык за зубами. (Удается.)

Ингрэм. Что вы читаете, молодой человек?

Патрик. Всего лишь путеводитель Меррея.

Ингрэм. А что у Меррея сказано об островах?

Патрик (читает). «Испанцы завладели островами в тысяча пятьсот восемьдесят седьмом году. В восемнадцатом столетии острова служили местом ссылки преступников. В девятнадцатом веке Соединенные Штаты стали насаждать на островах цивилизацию. Появились обширные плантации. Наиболее богатой среди плантаторов была семья Перучача. Несмотря на все усилия, на островах не удалось искоренить лихорадку. В тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году губернатор Дэниель М. Грей открыл нефтяные месторождения, рациональная эксплуатация которых сделала его крупнейшим нефтяным магнатом Соединенных Штатов».

Ингрэм. Когда читаешь, все это очень просто.

Патрик. «Нынче внучка его, мисс Дебора Грей, контролирует большую часть мировой добычи нефти. С виду острова представляют собой желтую и серо-бурую топкую пустыню. Исключение — поместье семьи Перучача. Здесь сохранился первоначальный пейзаж этих островов, напоминающий самые живописные уголки Калифорнии. Суда, курсирующие между континентом и островами, собственность Островной нефтяной компании. Высадка на берег сопряжена с хлопотливыми формальностями».

Ингрэм. И после этого, не слишком заманчивого описания господина Меррея вы садитесь на первый пароход, не принадлежащий Островной компании! У вас спешные дела на островах? Или вы едете как гость мисс Перучача? Что привлекает вас там?

Патрик. Мне кажется, там еще сохранилось нечто такое, что не укладывается в цифры и статистические таблицы. Во всех этих историях, связанных с именем Обезьяны, мне чудится несколько иной аромат, чем в обычных газетных сплетнях.

И н г р е м. Поездка на острова стоит двести семьдесят долларов. Дайте-ка, я погляжу на вас, юноша! Пастыри Израиля! Если человек ради того, что он называет ароматом, тратит двести семьдесят долларов, не считая напитков и чаевых стюардам, на него стоит хорошенько посмотреть.

С н и ф к и н с (проходя мимо, останавливается около них). Мисс Дебора Грей — не музейный экспонат, выставленный для всеобщего обозрения. Поэтому я сомневаюсь, джентльмены, чтобы вам удалось ее увидеть.

И н г р е м. Сударь, мой железобетонный оптимизм вам не удастся пробить вашими кислыми замечаниями.

П а т р и к. А что касается сына моей матери, то его уверенность тверда, как платина: он будет принят в Серой вилле мисс Грей.

С н и ф к и н с. В образ мисс Грей люди вложили столько собственной глупости и гнусности, что мисс Грей ограничила круг своих знакомств лишь вполне надежными, испытанными людьми.

И н г р е м. Некоторые думают, что ее заставляет прятаться от людей малопривлекательная внешность.

С н и ф к и н с. Человеческое лицо, отмеченное умом и величием, может казаться малопривлекательным по многим причинам. Например, если сам не обладаешь этими свойствами.

И н г р е м. Есть фотоснимки, под которыми мнение всего мира единодушно начертало: «Обезьяна».

С н и ф к и н с. А, мнение всего мира! Его можно купить за гораздо меньшую сумму, чем многое другое, на что тратится мисс Грей. Очевидно, это мнение не представляется ей столь важным.

И н г р е м. Вон тот господин, надо думать, скоро получит возможность сам судить об этих снимках.

П а т р и к. Какой это господин?

И н г р е м. Вон тот, с лицом, точно соскочившим с рекламы мыла для бритья. Киноактер Оверуик.

С н и ф к и н с. Почему вы так думаете?

И н г р е м. Обезьяна выписала его к себе на острова.

П а т р и к. Удивляюсь.

И н г р е м. Она, вероятно, собирается обсудить с ним кризис в нефтяной промышленности. Говорят, этот душка влетел ей в кучу долларов.

Снифкинс. Если, против ожидания, вам суждено будет вдохнуть воздух Коричневых островов, — а он, знаете ли, полезен далеко не всем... я советовал бы вам, сударь, упрятать свои соображения в самый дальний сейф вашей почтенной души. Уже не раз бывало, что от климата Коричневых островов люди в расцвете сил отправлялись к праотцам. (Удаляется.)

Ингрэм. Раньше, чем стрелять, этому подхалиму следовало бы проверить, не промок ли его порох.

Патрик. Видно, на островах дует на редкость свежий ветер.

Ингрэм. Если уж вам так хотелось подышать им, вам следовало выбрать какой-нибудь другой пароход, а не «Перучача»! До сих пор Обезьяна убивала всякую конкуренцию. Со стороны мисс Перучача было довольно легкомысленно дразнить ее открытием конкурирующей линии.

Патрик. Я-то на берег попаду. В этом я уверен.

Судовой офицер (киноактеру Оверуику). Мисс Перучача слышала, что вы находитесь на борту нашего парохода. Она сообщает по радио, что сочла бы за честь, если бы вы приняли участие в празднестве по поводу пятидесятилетия со дня рождения ее прадеда, губернатора Перучача.

Киноактер. Я приглашен мисс Грей для переговоров насчет рекламного фильма для Коричневых островов. Не знаю, позволит ли мне время принять любезное приглашение мисс Перучача.

Офицер. Мисс Перучача с удовольствием возместит вам потерю вашего времени.

Киноактер. Мисс Грей так высоко оценивает мое участие в обсуждении фильма, что я больше ни от кого не могу требовать столь же щедрой оплаты.

Ингрэм. Мужчины дерутся с Обезьяной за рынки, а женщины — за мужчин. Казалось бы, совершенно невозможно предпочесть крокодила дикой кобылице. Но наш душка все-таки не решается пойти к кобылице!

Патрик. По-видимому, почти все пассажиры едут на празднество к мисс Перучача.

Ингрэм. Из жителей островов лишь немногие осмелятся участвовать в этом пикнике. Если бы Перучача не

поставила своих гостей на собственном судне, ее торжество превратилось бы в похороны по второму разряду.

П а с с а ж и р А. Через десять минут мы будем на суше.

С н и ф к и н с (*подходит к Ингрему*). Вы сказали: мой железобетонный оптимизм. Поэтому я вас спрашиваю без обиняков: вы везете с собой доверенность от Восточной компании?

И н г р е м. Что бы вы сделали, если бы я назвал ваш вопрос грубой, безобразной назойливостью?

С н и ф к и н с. Я бы удивился, что человек, совершивший такую утомительную поездку, хочет повернуть назад за пять минут до высадки на берег. Кроме того, мне было бы поистине жаль ваших благообразных скул: они могут утратить свои правильные пропорции, если я решусь подчеркнуть свое удивление.

И н г р е м (*протягивает ему документы*). Будь вы несколько догадливей, вы бы заключили из моего неприкрашенного чисто мужского отзыва об Обезьяне, что у нас с ней немаловажные дела.

С н и ф к и н с (*возвращает ему бумаги; очень вежливо*). Простите! Моя патронесса, мисс Грей, точность предпочитает деликатности.

И н г р е м (*Патрику*). Ну, мой мальчик, ваши вера, любовь и надежда высадиться на берег все еще не поколебались?

П а т р и к. Если вас это интересует, могу вам сказать: сын моей матери твердо уверен даже в том, что очень скоро пожмет руку мисс Грей. За мрачные предсказания этого пессимиста свободный американский гражданин и отсыревшей спички не даст. Видите вы где-нибудь полицию на набережной? По-моему, там только автомобили, окрашенные в цвета мисс Перучача.

П а с с а ж и р ы (*поют*).

Это песнь о Коричневых островах,
Где чахнут мужчины и женщины тают,
И все Обезьяна держит в руках.
Деревья от нефти там засыхают.

С н и ф к и н с. А вот и портовая полиция!

П о л и ц е й с к и й о ф и ц е р (*входя на палубу*). Господин капитан?

Капитан. Капитан Поттер.

Полицейский офицер. Мне очень жаль, господин капитан, но я не могу разрешить вам высадку.

Капитан. После того как консульством выдано разрешение? Это неслыханный произвол!

Полицейский офицер. Постановление верховного суда. Будьте добры удостовериться. *(Передает копию.)*

Пассажиры *(выражают возмущение)*.

— Что? После одиннадцати дней плавания нам запрещают сойти на берег?

— Девять дней я страдала морской болезнью, а теперь мне возвращаться назад?

Полицейский офицер. От души сожалею, сударыни. Но я здесь лишь исполнитель.

Пассажир Б. Вы хотите отправить обратно видных людей, которые одиннадцать дней провели на море? Как бы, сударь, это не вызвало у вас серьезного расстройства желудка. Празднество, на которое мы прибыли, — дело всей нации.

Полицейский офицер. Мне очень жаль, джентльмены, но я обязан выполнить приказ.

Патрик. Не беспокойтесь, джентльмены, в крайнем случае мы высадимся силой.

Полицейский офицер свистит. Все смотрят на берег.

Сниффинс *(любезно Патрику)*. Теперь вы видите кое-что, сударь? Разрешите предложить вам бинокль?

Патрик. Мой мизинец говорит мне, что, наперекор всему, я увижу лицо этого чертовски затуманенного острова.

Ингрэм. Обезьяна артистически это состряпала.

Полицейский офицер. Обращаю ваше внимание, сударь, что употребление данного прозвища в присутствии официального лица рассматривается на островах как тяжкий проступок.

Пассажиры *(поют)*.

Обезьяна держит закон в руках.

Ей мужчины покорны в делах и в постели.

— Неслыханно!

— Мировой скандал!

— Что скажет печать?

На обратном пути меня опять замучает морская болезнь!

Полицейский офицер (*указывая на Ингрема и на киноактера*). Этот господин и вот этот могут сойти на берег.

Киноактер (*сходя на берег*). Меня радует, что искусство на островах оценивается по достоинству.

Патрик. Если бы мне только разрешили переслать записку мисс Грей! Я полон непоколебимой уверенности в успехе.

Общий смех.

Ингрем (*сходя на берег, Патрику*). Путь к банкротству вымощен непоколебимой уверенностью.

Пассажиры. Приятных развлечений! Пусть Обезьяна поищет на вас вшей!

Сниффкинс (*спускаясь на берег, машет фуражкой*). Граммофонная пластинка, правда, разбита, но на обратном пути можете составить мужской хор и петь «Песнь о Коричневых островах».

СЦЕНА ВТОРАЯ

Освещенная яхта.

Набережная. Ночь. Толпа.

В толпе.

— Третью ночь яхта Обезьяны освещена. Но ее самой там нет.

— У нее дела!

— Да, она выписала себе из Европы красавца киноактеришку.

— В эти жаркие ночи плохо спится.

— Вода густая и желтая, как гороховый суп. Даже странно, как такая яхта может плыть по ней.

— Это, мой милый, Коричневые острова!

Мужчины там плохи и женщины тают.

Всему Обезьяна там голова.

Кто прибыл здоровым, больным уезжает.

— Вон причаливает пароход: транспорт с рабочими.

— Он приходит ночью. Наверное, чтобы никто не

видел, как мало привозят теперь этих кули. Говорят, ей приходится сворачивать дела.

— А к Перучача на праздник маловато гостей собралось!

— Обезьяна запретила.

— Киноактеришка тут ни при чем. И жаркие ночи ни при чем. А не спит она из-за того, что на континенте найдены новые месторождения нефти.

— Яхта светится еще ярче. Зажжены все лампы.

Приедешь здоровым, гляди — зачах.

Царит Обезьяна в делах и в постели.

— Тэд Келви мог бы вам рассказать, почему на яхте горят все огни. Тэд Келви хорошенько выкупался, вечером вторично побрился и надел клетчатый костюм. Точно в церковь собрался. Слушай, Тэд! Обезьяна тебя на яхту вызвала, что ли?

Тэд Келви (*таинственно ухмыляется*). Тэд Келви знает, как подобает вести себя джентльмену. Тэд Келви знает, что джентльмену следует держать язык за зубами.

В толпе.

— Приятного аппетита, Тэд Келви!

— А я собрался в кино посмотреть «Дочь контрабандиста». Ты наносишь киновладельцу убыток в семьдесят пять центов, Тэд Келви.

— У него широкая грудь, низкий лоб и крепкие ляжки. Обезьяны это ценят.

— Вот он садится в шлюпку. Пока еще в теле есть соки, а в костях мозг. Смотри, Тэд, вернешься оттуда похожим на пустую колбасную кишку.

Тэд Келви (*отплывая*). Вы просто завидуете мне, черти!

Девушки (*вслед ему*).

— Стыдись, Тэд Келви.

— Гляди, Тэд, у тебя родится вонючая обезьянка!

— А потом он закрутит с жабой.

— Не забудь ничего в ее обезьяньей пасти, милейший Тэдди!

Смех. Отряд босоногих кули бесшумно проходит по набережной.

В толпе.

— Все-таки они выписали изрядное стадо кули.

— В конторе говорят, что ей не выдержать, все равно придется свернуть производство.

— Да, ей приходится шевелить мозгами. Нужна крепкая голова, чтобы рассовать по всему миру такую уйму нефти.

— Слышите, музыка из парка Перучача!

— А Тэда встретили на яхте без музыки.

— Это и без музыки сойдет.

Смех.

— Перучача — веселая бабенка. Она пришлась бы Тэду больше по вкусу.

Снова проходит отряд кули.

— Еще одна партия кули. Что-то не пахнет свертываемым.

— На транспорте яблоку негде было упасть. Набит, как консервная банка.

Ингрем проходит ленивой походкой, покуривая, в парк Перучача.

— Этот толстый блондин, говорят, приехал из Ирана или откуда-то еще. Там будто бы очень много нефти.

— Да, Обезьяне приходится многое принимать в расчет.

— По-моему, на ялике Тэд. Уже назад!

— В самом деле — Тэд Келви!

Сенсация. Тэд Келви возвращается.

— Ну как, Тэд Келви?

— Хоть всем известно, что Обезьяна на этот счет быстра, но сегодня она прямо молниеносна.

— У тебя какой-то обалделый вид, Тэд! Заказан, но не востребован?

Тэд Келви (*растерянно*). Она вызовет меня в другой раз. Выдали мне чек на двадцать долларов «за монтажные работы».

Смех.

В толпе.

— А я все-таки пойду в кино. Здесь, пожалуй, ничего больше не увидишь.

— Не знаю почему, но на это проклятое освещенное судно я мог бы всю ночь глядеть...

Снова проходит отряд босоногих кули.

— Уже третье стадо кули.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Празднество.

Терраса виллы Перучача.

Мисс Чармиан Перучача (*окруженная гостями*). Происками мисс Деборы Грей праздник в честь моего прадеда Дон-Хуана Перучача основательно изгажен. Не старайтесь, джентльмены, отвлечь меня кисло-сладкими любезностями. Омерзительно. Можно разболеться от одной мысли, что Обезьяне таки удалось добиться своего. (*Хватает и разбивает маленькую статуэтку.*)

Дядюшка Обадия (*пятидесятилетний толстяк*). Это прекрасный, маленький божок Пектуатли. Лучшее произведение искусства на всех четырех островах. Вернее, оно было таковым.

Чармиан (*смеется*). Ну вот, теперь мне стало легче дышать.

Лелио Холидей входит.

(*Расцветая.*) Лелио Холидей! Вы решились прийти! Вы добиваетесь у Островной компании места начальника семнадцатого участка и рискнули прийти ко мне! Это смело, мистер Холидей! Вы обрадовали меня, Лелли. (*Протягивает ему руку.*)

Лелио. Прямо перерождаешься в вашем парке. Когда дует западный ветер, на острове нечем дышать от нефтяной вони. Только в вашем парке и оживаешь.

Чармиан. Да, этого она не в состоянии испаковать. Будь в продаже восточный ветер, она выписала бы чек на кругленькую сумму, лишь бы перебить нефтяной вонью ароматы моего жасмина и ашоки.

Несколько голосов (*поют*).

Воняет нефтью на островах
И кожи цветной букетом пряным.

Чармиан. Вы — отчаянный малый, Лелли! А что, если теперь семнадцатый участок уплывет?

Леллио. Если только мое присутствие вам приятно...

Входит полковник Монсон, солидный пожилой человек.
Леллио незаметно удаляется.

Полковник Монсон. От имени Островной компании выражаю вам, мисс Перучача, самые сердечные поздравления по случаю торжества в честь вашего великого предка.

Чармиан. Да, мой великий предок был великолепным спекулянтom. Пока еще вашей мисс Грей есть чему у него поучиться, хотя праздник мой она испортила таланливо. Надо отдать ей справедливость.

Полковник. Если вы имеете в виду несостоявшуюся высадку пассажиров с парохода «Перучача», то Островная компания весьма сожалеет, что не могла пойти вам навстречу. Мисс Грей лично выразила бы вам свое сожаление, если бы кризис в нефтяной промышленности не поглощал всего ее времени.

Чармиан. Говорят, к мисс Грей приехал киноактер Гарри Оверуик. Конечно, его мнение о кризисе в нефтяной промышленности очень ценно. Не правда ли, полковник Монсон? Сейчас, когда из моего сегодняшнего праздника сделан настоящий дебакль...¹

Дядюшка Обадия. Дебакль — женского рода: ля дебакль.

Чармиан. Сейчас, стало быть, когда мой праздник сорван, мы, в сущности, могли бы поговорить о делах. Что если предложить Островной компании купить мое пароходство?

Полковник. Признаться откровенно, мы и сами подумывали об этом.

Чармиан. Видите! Вы ведь безусловно получили бы концессию!

Полковник. Да, концессию мы получили бы.

Чармиан. Интригами в морском ведомстве вы угробили мое пароходство и теперь решили, что получите его за сушеный банан? Как бы не так, многоуважаемый! Вам придется проставить на ваших симпатичных серо-зеленых чеках немало круглых нуликов, а перед ними жирную

¹ Разгром. (Франц.)

цифру. Без этого вы не превратите мои уютные пароходы в ваши голые вонючие ящики. (Уходит.)

Полковник (один, философски). Кто ругается, тот, значит, клюнул.

Лелио входит.

Что за странная идея — явиться сюда, молодой человек? Удивительно! Всякий выросший из пеленок младенец мог бы понять, что посещение этого дома служащим компании, если оно не вызвано официальной необходимостью, не приводит дирекцию в восторг.

Лелио. Мне это неизвестно, полковник.

Полковник. Вы хлопотали о семнадцатом участке.

Лелио. Полагаю, что успешной работой на моем участке я доказал свою пригодность.

Полковник. Ну, а то, что вы подчеркиваете свои симпатии к противнице Островной компании? Это вы тоже считаете доказательством вашей пригодности?

Лелио. Я думаю, что компанию не интересуется частная жизнь ее служащих.

Полковник. Частная жизнь ее машинисток компанию интересуется не больше, чем спаривание китов. От высших же служащих она требует отсутствия частной жизни. Остров невелик, и это — остров труда. Будьте благоразумны, мой друг! Вы — малый с головой и с будущим. Если вы имеете несчастье находить мисс Перучача очаровательной, стисните зубы и подумайте о том, что прелести участка семнадцать, в пределах человеческого предвидения, долговечнее прелестей мисс Перучача.

Лелио кланяется, уходит.

Мне кажется, красноречия моего недостаточно, чтобы преодолеть прискорбную склонность этого молодого человека к нежелательным побочным занятиям.

Ингрэм входит.

Как вам нравится торжество, мистер Ингрэм?

Ингрэм. Кормят превосходно. Почему вы помешали целому пароходу жизнерадостных людей насладиться этим великолепным ужином?

Полковник. Нефтяная компания островов оставляет за собой право лишь по собственному усмотрению

допускать на свою территорию всякую праздношатающуюся сволочь. И компания никому не позволит подрывать свою судоходную монополию.

Ингрэм. Вдобавок вы таким образом за сушеный банан получите три прекрасных парохода.

Полковник. Коммерсант вы не из наивных.

Ингрэм. Надо сказать, что мисс Перучача — классная женщина. Я с интересом наблюдаю, как она отбивает мужчин у вашей Обезьяны.

Полковник. Я вижу, сударь, что вы не стесняетесь в выборе выражений. Вы считаете иранские концессии настолько ценными для мисс Грей?

Ингрэм. Члены правления Иранской компании отлично знают, кому они доверяют защиту интересов своих концессий, а Ха Бе Ингрэм с точностью до одного цента знает цену своим концессиям во времена нефтяного кризиса. Кроме того, ему известно, что для мисс Грей мужчина — мужчиной, а дело — делом.

Полковник. Не сомневаюсь, что с такими принципами вы отлично проведете время на вилле Перучача. (Уходит.)

Ингрэм (вслед ему). Бутылка рыбьего жира!

Дядюшка Обадия входит вместе с Лелио.

Лелио. Мой разум говорит мне, что полезнее было бы продолжать подготовку отчета по семнадцатому участку, чем злить Обезьяну своим присутствием на этом празднестве.

Дядюшка Обадия. Ваш разум говорит вам нечто потрясающе верное, мистер Лелио Холидей.

Лелио. Мой разум говорит мне, что Дебси Грей и Чармиан Перучача — это пароход в двадцать тысяч тонн и нарядная белая яхта. Но в этой «сальта атрас» есть нечто такое, что выключает мой разум.

Дядюшка Обадия. Тем не менее я рекомендовал бы вам при случае снова включить его.

Лелио. Вы имеете в виду что-нибудь определенное?

Дядюшка Обадия. Нет. Но я чувствую ревматические боли, словно к перемене погоды.

Лелио уходит. Дядюшка Обадия берет у проходящего лакея печенье.

Ингрэм. Вы поэт, сударь?

Дядюшка Обадия. Я — шеф рекламного отдела Островной компании. Я сделал перевод Гомера для юношества, им пользуются в школах. А для взрослых мужчин пишу оды о нефти.

Ингрэм. Как это вы решаетесь посещать мисс Перучача, черпая свои доллары из кассы компании?

Дядюшка Обадия. За год в Соединенных Штатах появляется, в среднем, семь модных песенок, из них четыре — мои. Компании трудно было бы заменить меня: ныне редко попадаются умы, творящие литературу для взрослых мужчин.

Ингрэм. Мисс Перучача — классная женщина.

Дядюшка Обадия. Когда Елена выходила погулять на стены Трои, даже в старцах шевелились мужские чувства. * Это место в моем переводе, — цена книжки два доллара пятьдесят центов, — мне особенно удалось. Как бы то ни было, нельзя без осуждения наблюдать, как, скажем, молодой Лелио Холидей совершает из-за хозяйки этого дома самоубийство. Увидите, сударь, Лелио — малый с головой и с будущим — еще этим вечером погубит себя на вечные времена.

Ингрэм. Скажите, в мисс Перучача есть доля цветной крови?

Дядюшка Обадия. Она «сальта атрас».

Ингрэм. Можно найти перевод этого термина в коммерческом словаре?

Дядюшка Обадия. Испанец и чернокожая производят на свет мулата, мулат с испанкой — мориска, мориск и испанка — «сальта атрас», что значит «прыжок назад». Кстати сказать, удовольствие, с которым я смотрю на мисс Перучача, нисколько не мешает мне быть восторженным поклонником мисс Грей. Если бы у людей нашей эпохи оставалось больше досуга для чтения, я написал бы эпическую поэму «Обезьяна». Я воспел бы в ней победу выдающейся женщины над безобразной внешностью, которой она наделена от рождения.

Мимо проходит отряд кули.

Ингрэм. Это еще что за шутка? Вы вызвали грязных кули на праздник мисс Перучача?

Дядюшка Обадия. Это только что прибывшие на остров кули — очередная смена для участка тридцать семь.

Ингрэм. Им непременно нужно пройти через парк?

Дядюшка Обадия. По-видимому, это самое целесообразное.

Ингрэм. Обезьяна знает об этом?

Дядюшка Обадия. Едва ли.

Ингрэм. Это кончится плохо, сударь.

Дядюшка Обадия. Гсс, идет хозяйка дома.

Чармиан (входит с полковником Монсоном). Пока мисс Грей совещается с киноактером Оверуиком, вы не убедите меня, что кризис лишает ее сна.

Слуга (докладывает Чармиан). Киноактер Оверуик просит узнать, можно ли ему прийти?

Чармиан. Что? Обезьяна отпускает его ко мне? Обезьяна не находит времени для Гарри Оверуика? Значит, кризис дело серьезное. Значит, кризис наступает ей на горло! Эта сука еще задохнется в собственном зловонии. Простите, джентльмены, но я очень рада. И хотя она превратила мой праздник в безлюдную пустыню, я сделаю из него сейчас нечто великолепное. По сравнению с ним кабацкий разгул вернувшихся из плавания матросов покажется похоронным богослужением тухлых селедок. (Хлопает себя по ляжкам.)

Ингрэм. Классная женщина!

Чармиан. Милостивые государыни и милостивые государи! Джентльмен, память которого мы сегодня празднуем, был спекулянтom огромного размаха. Но, наряду с этим, он был и кое-чем другим. Люди вокруг него жили не в тюрьме и не в исправительной колонии. Люди вокруг него пили пульке и виски, у них оставалось время для веселья. Плоды и вино сами просились в рот. Нефтью и пóтом на островах не пахло. Поэтому, милостивые государыни и милостивые государи, почтим память моего великого предка, на которого радовались и бог, и люди.

Полковник. Милостивые государыни и милостивые государи! Наша очаровательная хозяйка тоже доставляет радость богу и многим людям. Но она не деловая женщина и не обязана разбираться в тогдашнем и теперешнем положении дел.

Ингрэм. Бутылка рыбьего жира!

Полковник. Живи мистер Хуан Перучача в наше время, острова имели бы совершенно такой же вид, как ныне. Это так же верно, как то, что Колумб в наше время плавал бы не на парусной каравелле, а на современном пароходе. И поэтому наибольшая честь, которую мы можем оказать джентльмену Перучача, это установить факт, что он заложил фундамент для тех возможностей, которыми ныне богаты острова...

Чармиан. Довольно, полковник Монсон! Я не хочу это слышать. Я повторяю: фермер Перучача — основатель и губернатор старых Коричневых островов — не Нефтяных островов...

Движение среди гостей, так как снова по парку проходит отряд кули.

(Подходит к ним ближе.) Что это значит? Как попали сюда эти желтокожие?

Мастер. Кули для участка тридцать семь.

Чармиан. Что? На этой дороге?

Мастер. Распоряжение дирекции. Экономия времени в сорок минут.

Чармиан. Полковник Монсон! Это рекорд наглости!

Полковник. Сожалею о причиняемом беспокойстве. Но по договору тысяча восемьсот девяносто девятого года Островная компания имеет право пользоваться кратчайшим путем от порта к участку тридцать семь.

Чармиан. Договор? Тысяча восемьсот девяносто девятый год? И компания именно сегодня вытащила на свет божий этот документ?

Полковник. На Нефтяных островах существует принцип: на первом месте труд, на втором — развлечения.

Лелио выходит вперед.

Дядюшка Обадия. Сейчас он сломит себе шею.

Лелио. Мастер, я, старший инженер, приказываю повернуть и повести эту партию кули обычной дорогой.

Мастер и кули уходят.

Мисс Чармиан Перучача! Порядок восстановлен.

Чармиан. Благодарю вас, Лелли! Итак, милостивые государины и милостивые государи, мы находимся с вами пока еще на старых Коричневых островах, а поэтому: фермеру Перучача, основателю Коричневых островов, — троекратное ура!

Молчание.

Неужели никто меня не поддержит?

Лелио подходит к Чармиан.

Дядюшка Обадия. Ваш наконец-то включенный разум говорит вам...

Лелио. Трижды ура фермеру Перучача! Трижды ура старым Коричневым островам!

Ингрэм. Теперь и тут запахло нефтью.

Дядюшка Обадия. Да. Ветер подул в другую сторону.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Островная нефтяная компания.

Зал заседаний. Трое директоров, среди них Монсон. Входит мисс Грей. Директора встают.

Мисс Грей. Ваши выводы, мистер Вудсон?

Директор А. Новые месторождения Континентального концерна превышают наши первоначальные оценки на шестьдесят процентов. Стало быть, за одиннадцать месяцев продукция концерна может обогнать нашу.

Мисс Грей. Прошу вас, мистер Варней.

Директор Б. Превысив нашу продукцию, концерн будет диктовать нам цены. Еще вопрос, позволит ли нам приобретение иранских концессий успешно конкурировать на рынке с концерном.

Мисс Грей. Полковник Монсон.

Полковник. Иранцы и их представитель мистер Ингрэм отлично осведомлены обо всем. Пользуясь конъюнктурой, мистер Ингрэм заламывает цену, в три раза превышающую подлинную стоимость его концессий. Предположим даже, что приобретение концессий позволит нам поддерживать соотношение пятьдесят пять к сорока пяти между нашей производительностью и производительностью концерна. Но это превышение обойдется нам в та-

кую сумму, которая заметно ослабит нашу финансовую мощьность.

Мисс Грей. Ваш диагноз, джентльмены, совпадает с моим. Ваши предложения?

Директор А. Приобрести иранские концессии, хотя бы и ценою жертв.

Директор Б. Использовать оставшееся время для перенасыщения рынка.

Полковник. При создавшейся ситуации всякая попытка подобного рода — риск с ослабленными шансами на успех.

Мисс Грей. А если бы мы заставили концерн торговать на пятьдесят процентов дороже нас?

Полковник (после общего молчания). До сих пор, мисс Грей, мы не знали за вами охоты потешаться над серьезными людьми.

Мисс Грей. А если нам удастся провести билль, который затруднит иммиграцию цветных на континент и облегчит их ввоз на острова? Я прощупала настроение в Нью-Йорке и Вашингтоне. У меня есть письма от республиканских и демократических сенаторов. Я зондировала почву в Белом доме.

Директор А. Разумеется, если лишить концерн возможности получать цветную рабочую силу, от всех его новых месторождений толку будет мало.

Полковник. Иранские концессии упали бы в цене, как барометр перед бурей. Переговоры с мистером Инг্রেмом были бы тогда для меня детской игрой.

Директор Б. Утопия!

Полковник. Разрешите, мисс Грей, одно деловое замечание. Задумывая свой план, приняли ли вы в расчет вашу не особенно высокую личную репутацию? Ведь если удастся внести такой билль, концерн прежде всего бросит на чашу весов вашу дурную в нравственном отношении репутацию.

Мисс Грей. К моменту обсуждения билля репутация моя дурной не будет, и концерн тогда вряд ли чего-нибудь добьется.

Полковник. Я не вижу средства исправить вашу репутацию.

Мисс Грей. Мне тоже немало пришлось поломать

голому, прежде чем я нашла такое средство. Но вы не стали спорить, что на дурную репутацию супруги виконта Уотморлендского вряд ли можно сослаться. Мой лондонский агент телеграфирует, что со стороны старого виконта поощрений больше не встречается.

Полковник. Я всегда знал, что по сравнению с нами Континентальный концерн — всего лишь свора лающих на луну мопсов. А в нынешней катастрофической ситуации вы повели себя, как существо, против которого мистер Эдисон — тупая устрица. Трижды ура Дебси Грей, матери Нефтяных островов!

Мисс Грей. Стало быть, джентльмены, я прошу вас к завтрашнему дню приготовить детально разработанные предложения: мы вступаем в борьбу за билль о контингентах. Всего хорошего, джентльмены.

Директора уходят.

(Звонит.) Попросите мистера Ингрема.

Инграм (входит). Я рад, что могу, наконец, повести переговоры непосредственно с вами. Ваши директора — это бутылки рыбьего жира. С ними топчешься на одном месте.

Мисс Грей. Через эти бутылки рыбьего жира мне стало известно, что вы запрашиваете за ваши концессии в три раза дороже их действительной стоимости.

Инграм. Какова абсолютная стоимость моих концессий — это вам не вычислят ни профессор Эйнштейн, ни Оксфордский университет. Но на сегодня концессии и вам, и Континентальному концерну нужны, как слону хобот, а этого делец, которого бог наградил мозгами, не может не учитывать.

Мисс Грей. Таким знатокам людей, как вы и ваши иранские хозяева, должно быть известно, что тот, кто добивается власти, платит дороже, чем тот, кто ею уже обладает. Почему же вы не обратились сначала к Континентальному концерну?

Инграм. Возможно, потому, мисс Грей, что наивысшую цену платит тот, у кого власть вот-вот выскользнет из рук.

Мисс Грей. Мое положение, я вижу, представляется нам в самом черном свете. Вы даже не испугались пребывания на моем пустынном острове — лишь бы только по-

править мои дела. Известно ведь, мистер Ингрэм, что вы не прочь пожить в свое удовольствие.

Ингрэм. Для такого скромного коммерсанта, как я, лестно, когда первоклассная деловая женщина интересуется его частными привычками.

Мисс Грей. Мои агенты высказывают предположение, что вы и есть тот эmissар, который устроил арабское восстание.

Ингрэм. Неужели, мисс Грей, напоминать деловому человеку о его неудачах.

Мисс Грей. Мне передавали, что восстание было организовано не без таланта.

Ингрэм. В таких делах решает исключительно успех.

Мисс Грей. Цена на концессии, названная вами, крайняя?

Ингрэм. Только какого-нибудь мелкого купчишку я стал бы уверять, что не оставил места для законного торга.

Мисс Грей. Какой вы наметили срок, мистер Ингрэм, чтобы окончательно решить, кому отдать свой объект?

Ингрэм. Три недели.

Мисс Грей. Продлите этот срок до шести недель, и я обязуюсь предложить вам тогда на двадцать процентов больше, чем предложит концерн.

Ингрэм. На двадцать? *(Молчание.)* Встречное предложение: сделайте Ха Бе Ингрэма участником ваших предприятий, предложите ему соответствующий пост и число голосов, и он отдаст вам концессии на двадцать процентов дешевле цены, предложенной концерном.

Мисс Грей. Много охотников найдется лечь в эту хорошо согретую постель.

Ингрэм. Среди библейских благословений есть и такое: благочестивый да живет в домах, которых он не строил.

Мисс Грей. Мне рассказывали мои агенты, что у вас не раз выбивали из рук полную чашу, когда вы уже подносили ее ко рту.

Ингрэм. Если бы вы хотели заработать на том, что мой оптимизм якобы протерся до дыр, это было бы чистейшим недомыслием. Согласитесь, мисс Грей, вы и я под одним одеялом — это была бы пара, правда, не для кисти Рафаэля, зато такая фирма побудила бы господ

бога снова включить в сферу своих милостей захиревшую планету. Даже невооруженным глазом делового человека и вижу: вы, мисс Грей, атлет тяжелого веса.

Мисс Грей. Хорошо ли вы развлекались у мисс Перучача?

Ингрэм. Мисс Перучача — классная женщина, нет слов. Впрочем, есть женщины, с которыми спят, но очень мало таких, с которыми было бы занимательно беседовать деловому человеку.

Мисс Грей. Даете мне шесть недель вместо трех?

Ингрэм. Мы сегодня обнюхали друг друга. Полагаю, на первый раз этого достаточно.

Мисс Грей. Приглашаю вас послезавтра ко мне на яхту. Сделаем прогулку по морю.

Ингрэм. Рад, что нефтяной кризис не поглощает всего вашего времени.

Мисс Грей. Мистер Ингрэм, я знаю, что я немногим лучше, чем в тех грошовых журнальчиках, где под моими портретами написано: «Обезьяна». Тем не менее я не люблю видеть за своим столом мужчин, которым моя внешность портит аппетит. Скажите с прямотой человека из нашего делового мира: будете ли вы с аппетитом обедать со мной? Обдумайте свой ответ.

Ингрэм. На трех континентах существует мнение, что женщины созданы для ночи, вы же, мисс Дебора Грей, созданы для дня.

Мисс Грей. Это комплимент или дерзость?

Ингрэм. Комплимент?.. Дерзость?.. Конечно, в некоторых случаях я предпочитаю круглые бедра и атласную кожу. Но неужели вы думаете, что мне с мисс Перучача интереснее, чем с вами?

Мисс Грей. Интереснее? Это широкое понятие.

Ингрэм (*хлопая ее по ляжке*). Ну, малютка, как же насчет моего участия в делах?

Мисс Грей. А как насчет шести недель?

Ингрэм. Для начала — послезавтра я у вас на яхте.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Эксперимент для изучения сексуальных особенностей крыс.

На яхте мисс Грей. Темная ночь. Ингрэм, Лелио и дядюшка
Обадия лежат и курят.

Лелио. Как жить? Одни говорят: «Существуй, ничего не желая». Но мне это не принесло ничего хорошего. Другие кричат: «Делай добро!». Но и на этом я не нажил капитала.

Ингрэм. Скажи мне сегодня старина бог: «Ха Бе Ингрэм, что вы сделали с жизнью, которую я вам дал?» — я ответил бы ему: «Милейший господин! Как хороший делец, я выколотил из жизни все, что в ней было. Я ел, пил, спал с женщинами, купался, ворочал делами, хорошо переваривал пищу и был здоров. Могу с полным убеждением сказать: готов все это повторить».

Лелио (*речитативом, под аккомпанемент гитары*).

Когда карманы долларами так набил он,
Что мог бы ими стены обклеить,
Такое вдруг решил купить он,
Чтобы могло и греть, как солнце, и светить.

Под шестьдесят ему, и спит он мало,
Желудок не варит, а, впрочем, он здоров
И даже сохранил — такого он закала —
Как пена белых двадцать шесть зубов.

И все ж затосковал он, взвыл от горя,
Когда увидел, что не купит, нет,

Ни гор, ни бога, ни небес, ни моря
И к чекам с подписью его почтенья нет.

И чеками его не соблазнились горы,
Они и не взглянули на него.
Бог о гешефтах ненавидит разговоры,
И в небесах не видно никого.

Отличный малый с банковской книжкой.
Во рту зубов сверкающий оскал.
Но мира не купить, хоть дал бы лишку.
К чему ж он столько долларов насобиравал.

Дядюшка Обадия. Да, в эти знойные ночи случается, что бухгалтер глотает слишком большую дозу морфия из-за того, что курс селитрянных акций, непонятно почему, перестает его подбадривать. Но подобные бабьи расстройства быстро проходят. Днем опять видишь ясно: Америка хороша и со ста процентов ни одного не сдает. И — за Дебси Грей.

Лелио. Со стороны Обезьяны это было жестоко и нагло: сперва пинком вышвырнуть меня со службы, а потом пригласить на яхту. Все мои чувства и маленькое сердце принадлежат мисс Перучача. Но мозг мой даже ночью и даже на море признает, что Дебси Грей — явление стопроцентное.

Мисс Грей (*проходит в темноте*). Это вы, Лелли?

Ингрэм. Нет, мисс Грей, насколько мне известно, это я.

Мисс Грей. Я узнаю вас по мягким волосам, Лелли.

Ингрэм. От частой стрижки волосы становятся жесткими.

Лелио. Что это за цветные рыбы кишат вокруг яхты?

Ингрэм. Научного названия их я не знаю, но они очень приятны на вкус. Странно, что команда яхты их не наловила. Инициативы нет у людей.

Мисс Грей. Это была большая смелость, Лелио Холидей, послать к черту семнадцатый участок, чтобы доставить удовольствие красивой женщине.

Лелио. В Огайо два года назад был проделан такой эксперимент над крысами. Шестерых самцов отгородили наэлектризованной пластинкой с одной стороны от корма,

с другой — от самки. Через семьдесят два часа голодовки и полового воздержания пять самцов устремились к корму, один — к самке.

Мисс Грей. Следовательно, из шести животных только одно пошло дорогой чести, иначе говоря, — дорогой Лелио Холидея!

Лелио. Когда проделали такой же эксперимент с шестью самками, одна бросилась к корму, а пять к самцу.

Мисс Грей плачет.

Желтые, вернувшись домой с нашего острова и переплыв при этом два океана, забывают об одиннадцатилетней разлуке с родиной, об опасности холодных взрывов, о вечном зловонии нефти и помнят лишь одно уродливое лицо.

Ингрэм. Смотрите-ка, она плачет.

Мисс Грей. Вы ошибаетесь, Ингрэм, вероятно, шершавая кожа от природы толста. У меня было всего несколько мгновений острой боли.

Дядюшка Обадия. Если присмотреться, то в похвальной борьбе, которую Дебси Грей вела со своей незадачливой внешностью, она всегда придерживалась высокого стиля.

Лелио. Первокласного. Никто не оспаривает.

Ингрэм. Как обстоит дело с моей долей, мисс Грей?

Мисс Грей. Надеюсь, мистер Ингрэм, вы не собираетесь извлечь выгоду из сентиментальных настроений, навеянных такой ночью.

Ингрэм. Старый Ингрэм знает: море — морем, ночь — ночью, а дело — делом. Он знает также и другое: так как вы с особой настойчивостью добиваетесь отсрочки на шесть недель, она, очевидно, нужна вам для какого-то хода, который обесценит мои концессии.

Дядюшка Обадия. Кто ввел на островах участие в прибылях? Дебора Грей. Кто повысил мировое производство нефти на шестьдесят процентов? Дебора Грей. Какова была бы ныне техника без Деборы Грей? Она не красива, но она — Дебора Грей, мать Коричневых островов.

Лелио. Дядюшки Обадии сочиняют оды, но граммофонные пластинки с «Песней о Коричневых островах» пользуются гораздо большим успехом.

Мисс Грей. Знаю, Лелли. Бывая с мужчинами, я иногда не воображала, что они думают иначе, чем граммофонные пластинки.

Дядюшка Обадия. Радиограмма из правления: «Белые рабочие электрифицированных нефтеочистительных цехов объявили на завтра забастовку протеста, по той причине, что в цехе номер двадцать три цветной рабочий Пуанг-Ву занимает место, принадлежащее по договору белым рабочим».

Мисс Грей. Этот инцидент я уладила еще до отплытия яхты.

Леллио. Не скажете ли вы молодому человеку, еще интересующемуся делами Островной компании, хотя его и прогнали оттуда, как вы уладили этот инцидент?

Мисс Грей. Желтый рабочий Пуанг-Ву будет уволен.

Ингрэм. Чтобы в следующий раз белые рабочие плюнули вам в лицо?

Мисс Грей. Белые рабочие всех электрифицированных нефтеочистительных цехов, которые на этот раз, кстати сказать, правы, через месяц, первого числа, будут заменены другими — белыми же — квалифицированными рабочими. Два транспорта уже в пути.

Леллио. Это стоит изрядной суммы.

Ингрэм. Особенно чувствительной в период кризиса.

Мисс Грей. Разве вы, джентльмены, сторонники половинчатых решений и близорукости? Я обычно устраиваю подобные дела в расчете на то, что Островная компания просуществует до страшного суда.

Ингрэм. Стиль вашей работы, Дебси Грей, поражает мужчину из делового мира в самое сердце и даже глубже.

Дядюшка Обадия. Мисс Грей, с островов поступила радиограмма, что делегация из Чикаго прибудет шитра рано утром. Повернуть назад или сообщить по радио, чтобы делегация вас подождала?

Мисс Грей. У вас чертовски мягкие волосы, Лелли.

Ингрэм. В Штатах не любят длинных волос у взрослых мужчин — так же, как чеков без покрытия и лирических стихов.

Мисс Грей (*рука в волосах Лелио*). Как насчет шести недель, мистер Ингрэм? Как я ни ломала себе голову, я все еще не раскусила, что вы предпочитаете: вести дела в качестве представителя Ирана или от имени Ха Бе Ингрема лично?

Ингрэм. Я склонен отдать предпочтение мистеру Ингрему лично. На этот счет мы, надеюсь, договорились.

Мисс Грей. Стало быть, вы не отступитесь от непосредственного личного участия?

Ингрэм. В лучшем случае я получу те же двадцать восемь процентов, которые уплатит мне Иран, если я, пользуясь вашим критическим положением, выжму из вас все, что возможно.

Мисс Грей. Я все время только и слышу об этих двадцати восьми процентах.

Ингрэм. Способных мужчин надо соответственно оплачивать. Двадцать восемь процентов — это очень много, но такая цифра обоснована. Отсюда вы видите, как мастерски вымогает Ха Бе Ингрэм.

Мисс Грей. Предлагаю вам двадцать восемь с половиной процентов.

Ингрэм. Ни двадцать восемь с половиной, ни шестьдесят, Дебора. Личное участие!

Мисс Грей. Мистер Ингрэм умеет править своим конем.

Ингрэм. Прежде, чем признать, что всадник управляет конем, а не конь всадником, вы, я полагаю, выскребете остатки из всех выброшенных дядей Сэмом нефтяных бидонов. (*Треплет ее по плечу.*)

Мисс Грей. Не спорю, мистер Ингрэм.

Лелио. Милостивый государь, я начинаю представлять себе, что такое настоящий делец.

Мисс Грей. Ну, я отправляюсь в свою обычную прогулку — тысяча шагов. Пойдемте со мной, мистер Ингрэм!

Ингрэм. Мне очень жаль, мисс Грей, но я должен сосредоточиться на нескольких хороших идеях, возникших у меня в связи с договором, который мы с вами собираемся заключить.

Мисс Грей. Так вы не идете со мной?

Ингрэм. Как ни зажигательна ваша манера подходить к житейским явлениям, я не могу себе позволить предпочесть делу удовольствие.

Дядюшка Обадия. Велите повернуть, мисс Грей, или дать радиограмму на остров?

Мисс Грей. Поедем дальше, Лелли?

Лелли о. Мы уговорились на завтра с мисс Перучача поиграть в теннис.

Мисс Грей. Я приму делегацию послезавтра, дядюшка Обадия! Мы едем дальше.

Лелли о. Это нечестно, мисс Грей!

Мисс Грей. Цветные рыбы редко скопляются близ берега, мой мальчик, да еще в таком количестве.

Ингрэм. Их надо бы наловить: они очень вкусны.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Биржевые новости.

Нью-Йорк. Торговый отдел газеты «Стар».

Редактор торгового отдела (один у письменного стола). Обезьяна выходит замуж за виконта Вестморленда. Не понимаю, что это значит. Туманно, как матовое стекло.

Звонок телефона.

Биржа? Да. Сильная нервозность по поводу брака Обезьяны? Потеха! Могу себе представить. Настроение перед собранием: акции Островной компании — тенденция на понижение, Континентальной — на повышение? Благодарю. Братья Фербенк играют на понижение островных? Вы тоже? Знаем ли мы что-нибудь? Соврали бы все равно. Во всяком случае, ни пуха ни пера и все, что полагается. (Вешает трубку.) Никто ничего не знает. Черт! Туманно, как матовое стекло. (В телефон.) Господин главный редактор? Что это за замужество Обезьяны? Уже напали на след? Через пять минут буду в точности осведомлен. Для всех конкурирующих газет туманно, как матовое стекло. Через пять минут. Верно, как смертный исход после приема цианистого калия. (Вешает трубку.) Отвратительно, когда ты несведущ, как новорожденный, а справки давай,

как дежурный полисмен. Что ей нужно, этой проклятой Обезьяне? Блеф? Но ее блефы всегда заключались в том, чтобы не устраивать блефов. Черт! Точно в байдарке по Ниагаре.

Телефон.

Да? Биржа? Континентальные тридцать девять, запятая, два. Островные — двадцать четыре. Благодарю. *(Вешает трубку.)* Ребята на бирже идут на блеф. Черт! Свинство! Буду верить только своему чутью.

Телефон.

Континентальные сорок, запятая, два. Островные — двадцать два, запятая, семь. Благодарю. *(Вешает трубку.)* В байдарке по Ниагаре. Туманно, как матовое стекло. *(Вытирает пот.)*

Мистер Голдсмит *(входит)*. Я по поводу брака Обезьяны. *(Вытирает пот.)* Вы в курсе дела?

Редактор. Я? Разумеется. До точки.

Голдсмит. Мы считаем это ребяческим блефом. Имеем данные.

Редактор *(в телефон)*. Континентальные сорок три, островные девятнадцать, запятая, шесть.

Голдсмит. Биржа тоже подозревает блеф. Интересуют вас наши данные? А впрочем, простите, вы в курсе дела. *(Вытирает пот.)*

Редактор. Да, я в курсе дела.

Голдсмит. Тогда до свидания. *(Вытирает пот, уходит.)*

Редактор. И для него все это туманно, как матовое стекло. Ладно, буду и я считать блефом!

Телефон.

Господин главный редактор? Да, ясно, как день. Обезьяна растерялась и хватается за этот ребяческий блеф. Но биржа не поддается на удочку. *(Вешает трубку.)* Туманно, как матовое стекло.

Телефон.

Что? Островные идут на повышение? *(Вешает трубку.)* Байдарка! Четвертого апреля сего года не один хороший малый выроет себе могилу.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Курсовая цена «классной женщины».

Шала Перучача. Ночь. После ужина. Ингрем, Чармиан.

Чармиан. Все-таки непонятно, как еще находит до-
рогу ко мне человек, которого удостаивает своим общест-
вом великая мисс Грей, в ближайшем — виконтесса Вест-
морленд.

Ингрем. Меня связывают с Обезьяной дела. Но я
могу себе позволить бывать у особы, которую я, при всем
влиянии света, нахожу классной женщиной.

Чармиан. Вы считаете, что Обезьяна, став викон-
тессой Вестморленд, будет продолжать прежний образ
жизни?

Ингрем. Надеюсь. Я за такой образ жизни.

Чармиан. Какое влияние, по-вашему, окажет свадь-
ба Обезьяны на нефтяной кризис?

Ингрем. Влияние? Кризис? Откуда у вас столь ши-
рокие интересы?

Чармиан. Чем же, по-вашему, заполнить свою жизнь
женщине приятной внешности?

Ингрем. Ухаживать за собой, обдумывать, как бы
повыгодней для своей внешности одеться, как бы усеять
розами чью-либо человеческую жизнь, то есть лечь с соот-
ветствующим мужчиной в постель. Например, с Ха Бе
Ингремом.

Чармиан. Как вы оцениваете приятную внешность
женщины с деловой точки зрения?

Ингрем. Как очень крупную статью пассива. Не
будь, к примеру сказать, мисс Грей похожа на обезьяну,
она безусловно не создала бы Островной компании.

Чармиан. Будь у вас поменьше наглости и побольше
влияния людей, я бы на убедительном примере показала
вам ошибочность ваших высокомерных взглядов, далеких
от жизни.

Ингрем. Знание людей? Нежизненные взгляды?
Не будете ли вы добры показать мне вашу спальню?

Чармиан. Негр, который вас сейчас выведет, пре-
красный спортсмен. Не советую связываться с ним — пу-
скать в ход джиу-джитсу и другие приемы растерявшегося
человека.

Ингрэм (*перегибает ее назад, стискивает, целует. Затем сажает в кресло*). Вы хотели доказать мне ошибочность моих деловых взглядов, мисс Перучача!

Чармиан. Вы потому отказались говорить со мной о кризисе, что сами ломаете себе голову над тем, какая связь между свадьбой Обезьяны и этим самым кризисом. Хотите держать пари, что я могу сообщить вам самые точные сведения?

Ингрэм. Уж лучше позвоните вашему негру. Уши вянут от этого вздора.

Чармиан (*вскочив, горячо*). Не желаю я, чтобы меня считали душой только потому, что я не такое пугало, как Обезьяна. Плесните мне в лицо серной кислоты, если я не положу Обезьяну на обе лопатки ее же средствами!

Ингрэм. Ну, ну, спокойнее, малютка! Так что же с этим кризисом?

Чармиан. Верить, что у меня есть что сказать?

Ингрэм. Да.

Чармиан. Прекрасно. А сейчас я позвоню негру.

Ингрэм. Довольно с меня! Я тебе развяжу язык, стерва! (*Бросается на нее.*)

Чармиан (*в страхе*). У вас жилы, как канаты, когда вы разъярены.

Ингрэм (*крепко держит ее*). Речь сейчас о кризисе, а не о моих жилах.

Чармиан. Она выходит замуж, потому что...

Ингрэм (*крепче сжимает ее*). Потому что?

Чармиан. ...она хочет делать политику. Потому она и выходит замуж.

Ингрэм (*выпускает ее*). Это понимает последний грузчик. Не стоило мне напрягать мускулы.

Чармиан. По-вашему, возможно, чтобы нормальный человек мог без отвращения лечь в постель с Обезьяной?

Ингрэм. Да.

Чармиан. Наши желтокожие едят по праздникам тухлые яйца.

Ингрэм. Ис удовольствием.

Чармиан. Я не такая великая женщина, как Дебси Грей, но вы, мистер Ингрэм, не догадливей гиппопотама. Если я не открою вам глаза, она вытащит у вас из кармана ваши концессии за сушеный банан. Я хотела только

сказать нам: есть женщины, которые умеют использовать свою богом данную первоклассную внешность для самых разнообразных целей. Для информации, например, которую никакими другими путями не получить.

Ингрэм выжидательно молчит.

Что бы вы сказали, например, если бы кое-кто подумывал о билде, который запрещал бы цветным въезд на континент, а на острова разрешал?

Ингрэм. Запрещал бы цветным въезд на континент? И разрешал — на острова? *(Размышляет.)* Эту возможность я тоже взвешивал. *(Сияет.)*

Чармиан. Что-о?!

Ингрэм. Если это пришло в голову даже такой личинке, как вы, которая мало разбирается в делах, стало быть, эта мысль заслуживает особого внимания — именно в силу своей очевидности. *(Встает.)* Мисс Перучача, ужин был великолепен, вы — классная женщина, а ваши взгляды на положение вещей я выслушал с удовольствием. *Доброй ночи.*

Чармиан. Ваш интерес к моей спальне, видимо, прошал, мистер Ингрэм?

Ингрэм. В другой раз. Пастыри Израиля! Неужели вы думаете, мисс Перучача, что во время нефтяного кризиса деловой человек располагает достаточным досугом? И так, еще раз спасибо за угощение и прочие удовольствия. *Доброй ночи. (Уходит.)*

Чармиан *(одна)*. Это, собственно, не входило в мои намерения. *(Уходит.)*

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Покупка мужчин.

На Серой вилле мисс Грей. Мисс Грей, виконт.

Мисс Грей. Приветствую вас на моем острове, виконт! Надеюсь, что время, проведенное здесь, не будет наихудшим в вашей жизни.

Виконт. Приветствую вас как мою невесту, мисс Грей. И не знаю, почему вы остановили на мне свое внимание. Но прошу верить в мое искреннее уважение, которого

вправе ожидать основательница столь грандиозного предприятия от незначительного молодого человека.

Мисс Грей. Желаете продолжать обмен любезностями или перейдем на деловой язык взрослых людей, виконт?

Виконт. Прошу вас.

Мисс Грей. Ваш уважаемый отец, человек большого делового опыта, точно взвесил все обстоятельства и пришел к выводу, что обе стороны в убытке не останутся.

Виконт. Не сомневаюсь, что от этого брака вы и отец в убытке не будете.

Мисс Грей. Вам лично я позволю себе предложить годовую ренту в тридцать тысяч фунтов. В случае, если бы вы предпочли заняться делами Островной компании, к вашим услугам почетный пост.

Виконт. Благодарю вас. Я попытаюсь на тридцать тысяч фунтов устроиться так, чтобы вести жизнь, достойную вашего положения.

Мисс Грей. Я хотела просить вас после свадьбы прожить на островах около шести недель, а вообще проводить здесь ежегодно около двух недель. Свет интересуется моей частной жизнью. Если бы мы постоянно жили раздельно, это вызвало бы всякие кривотолки. И еще одно: на острове живет некая мисс Перучача, женщина приятной наружности, веселая и неглупая. К сожалению, она, по неизвестным мне причинам, относится враждебно к моим предприятиям. Это, вообще, не имеет большого значения, но я была бы вам очень обязана, если бы знакомство с ней вы ограничили необходимыми условностями.

Виконт. Благодарю вас за ясную информацию.

Мисс Грей. Мы увидимся за ужином, Перси.

Виконт уходит.

Ингрэм (входит). Я пришел проститься. Лучше будет, если я лично договорюсь с Континентальным концерном.

Мисс Грей. Вы считаете меня некредитоспособной?

Ингрэм. Мисс Дебора Грей, вы лично пользуетесь моей симпатией. Но вы не можете требовать от меня, чтобы я с приятной улыбкой дожидался, пока первая же

билле в прессе о вашем ограничительном билле превратит мои концессии в клозетную бумагу.

Мисс Грей (*поблднев*). Кто вам мог это сказать?

Ингрэм. Было бы, пожалуй, умнее закидывать негод совместно со старым Ингрэмом, а не в ущерб ему. Но человек добродушный и на вас не в обиде. Итак, всех благ, малютка!

Мисс Грей. Сколько вы стоите, мистер Ингрэм?

Ингрэм молчит.

Вы как-то намекнули, что различаете Ингрэма — представителя Ирана и мистера Ха Бе Ингрэма — как такового?

Ингрэм. Мои восточные хозяева становятся очень неприятны, когда обнаруживают неточности в предьявленном им отчете. Но даже если он точен, они обычно, как умные люди, реагируют на неумелость так же решительно, как и на нечестность.

Мисс Грей. Я знаю, что цена ваша не мала, мистер Ингрэм.

Ингрэм. Вероятно, и на Нефтяные острова проник слух, что тот, кто с иранского дерева срывает сочные плоды для себя одного, недолго имеет удовольствие вкушать их.

Мисс Грей. Жизнь стоит дорого, мистер Ингрэм.

Ингрэм (*молчит, затем продолжает*). Помолчи я еще несколько минут, и вы швырнете мне пресловутое «личное участие». Но ожидать, чтобы я с моими здоровыми концессиями ввязался в вашу гнилую спекуляцию с биллем об иммиграции цветных, — это чересчур. Скажите спасибо, если я захочу сегодня же войти пайщиком в ваши предприятия.

Мисс Грей. Вы, Ингрэм, самый наглый субъект на этом пространстве от Нью-Йорка до Токио.

Ингрэм (*вынимает из кармана договор*). После того, как мы с вами в принципе договорились о моем участии в нашем предприятии, я прошу вас подписать этот обстоятельно составленный договор.

Мисс Грей (*садится*). Тут вы, наверное, побили свой собственный рекорд.

Ингрэм. В нашем распоряжении один час. А затем, либо у меня в кармане лежит подписанный договор, либо я сажусь на пароход.

Мисс Грей. Если в этом договоре вы отхватили себе слишком жирный кусок, тогда...

Ингрэм. Ладно, там видно будет! (Смеется. Уходит.)

Мисс Грей (оставшись одна, читает договор). Этот договор — сплошное жирное пятно. Что мне сказать? Я собираюсь купить себе дорогостоящее имя. Я уродлива. Я строю свое благополучие на нефти, на порочности государственного аппарата. Я равнодушна к тонкостям классовой борьбы и не верю в бога. И вот я спрашиваю себя: что же дальше? Этот Ингрэм — настоящий барышник. Но скулы у него хорошей формы. Однако и его мне трудно удержать. Правда, он говорит, что море нефти и деньги так же возбуждают и горячат мужчину, как атласная кожа женщины. Но подачка всегда действует. Когда хотят удержать кого-нибудь, надо его прикармливать, а это делается на разный манер. На женский — легче всего. Мне приходится на другой. (Подписывает договор.) Дебора Грей.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Тень с востока.

Иран. Центральное бюро секретной разведки. Три комиссара.
Господа в сером.

Комиссар А. Случай выгодно продать нефтяную концессию, как ясно видно из этих сообщений, упущен самым досадным образом. Теперь придется сбыть эту концессию в три раза дешевле, чем первоначально предполагалось. Нашим генеральным агентом был господин Ингрэм.

Комиссар Б. Вот характеристика господина Ингрэма: человек энергичный, беспринципный, падкий на удовольствия, циничный, очень одаренный.

Комиссар В. Из всех наших агентов господин Ингрэм имел самые широкие полномочия и получал самые крупные таньемы. * В настоящее время он проживает на Нефтяных островах и пользуется доверием председательницы Островной компании мисс Деборы Грей, по прозвищу Обезьяна.

Комиссар А. Ваше мнение, коллега Нассир?

Комиссар Б. Если мы пользуемся европейскими агентами, они хорошо знают, что за высокие таньемы они

своей стороны должны дорого платить, когда не оправдывают доверия или, что еще хуже, действуют неумело.

Комиссар А. Ваше мнение, коллега Реза?

Комиссар В. Ненадежных или неспособных агентов мы вычеркиваем из списков.

Комиссар А. Следовательно, вы полагаете, что наше правительство должно потребовать выдачи господина Ингрема?

Комиссар В. Конечно. Но я, кроме того, полагаю, что господин Ингрем надо вычеркнуть из списков.

Комиссар Б. И я того же мнения.

Комиссар А. Итак, господин Ингрем будет вычеркнут из списков.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Уста Греты Гарбо.*

Рабочий кабинет мисс Грей. Мисс Грей, Сниффкинс.

Мисс Грей. Заключение о выдаче мистера Ингрема?

Сниффкинс. Отправлено в Вашингтон. Переговоры о выдаче, согласно вашему распоряжению, будут намеренно затягиваться.

Мисс Грей. А этот человек из Ирана?

Сниффкинс. От нас зависит предоставить ему возможность исполнить приказ своих доверителей относительно мистера Ингрема или же передать его нашей государственной полиции.

Мисс Грей. Пока не давать ему возможности действовать. Он не должен встретиться со своим объектом. Понятно?

Сниффкинс кланяется, уходит.

(Одна.) Вот и подул вдруг попутный ветер. Теперь стало ясно, что моя власть — это частица меня самой. И это превратит мой рот в уста Греты Гарбо. Пастыри Израиля! Что за странная лень вдруг охватила меня!

Ингрем (входит). Я получил свой лицевой счет.

Мисс Грей. И?..

Ингрем. И вполне им удовлетворен. Но я совсем не удовлетворен тем, как вы изволите выполнять наши прочие условия.

Мисс Грей. Чего вы, собственно, хотите?

Ингрэм. Вычерпать свое до дна. Вы как-то упоминали о чаше, которая не раз бывала выбита у меня из рук. Ее-то я и хочу вычерпать до дна.

Мисс Грей. Разве я скуплюсь? Вы недовольны тантьемой, которую вам отчисляют?

Ингрэм. Не о долларах речь. Не стройте из себя дурочку, детка. Если вы полагаете, что я удовольствуюсь шушуканьем ваших стенографисток о моем возросшем влиянии, вы ошибаетесь. Этот темный негритянский миф я живо сделаю светлым с помощью двух-трех сильных электрических фонарей. Я не хочу, чтобы обо мне что-то предполагали. Этим предположениям пора стать фактом.

Мисс Грей (кротко). Что же, по-вашему, должно стать фактом, мистер Ингрэм?

Ингрэм. Я хочу полного, не урезанного участия в делах. Позавчера вы заключили крупную сделку с Чикаго. А я ничего не знал. Это противоречит ясным условиям нашего договора. Если я сообщу вашим политическим партнерам, как вы выполняете секретные договоры, вам трудно будет вести кампанию за билль об иммиграции, моя дорогая!

Мисс Грей. От этого ваши тантьемы не поднимутся.

Ингрэм. Наличные доллары радовали меня всегда только наполовину.

Мисс Грей. Не думаю, чтобы взрослый человек только из-за каких-то сентиментов поступал во вред своему текущему счету...

Ингрэм. Текущий счет? Речь идет не о текущем счете, Дебси! Такая женщина, как вы, которой с рождения пришлось бороться со своей неприятной внешностью, понимает, что значит видеть вокруг себя одни холодные лица. Разрешаю вам, в виде исключения, считать меня сентиментальным. Чего я хочу, это — уважения, доверия, сердечности.

Мисс Грей. Уважения? Сердечности? До того ли вам, когда вам впору подумать о спасении собственной жизни.

Ингрэм. Что это значит?

Мисс Грей. Известные вам лица на Востоке решили «вычеркнуть вас из списков».

Ингрэм (бледнеет). Вычеркнуть из списков?

Мисс Грей (подает ему документ). Да, вычеркнуть. Впрочем, они не учли, что на Нефтяных островах можно вычеркнуть человека только с разрешения Деборы Грей.

Ингрэм. Пастыри Израиля!

Мисс Грей. Вы что-то сказали, Ингрэм? Мне кажется, что и безобразная женщина становится сносной, когда в ее руках власть. Разве она не становится сносной?

Ингрэм. Да. (Возвращает ей документ.) Благодарю вас. Теперь между нами начнется настоящее сотрудничество, Дебси. Видите ли, это именно то, что я разумел под простодушным словом «сердечность». Я расположился здесь, раскинул свой вигвам, я владею вашим доверием. Не один континент вытаращит глаза, увидев, какие прокитики вылупливаются у нас, точно цыплята из яйца.

Мисс Грей. Ваша дерзость, мистер Ингрэм, опережает вашу благодарность. Конечно, ваш договор теперь — простой клочок бумаги. Тантъемы вы будете получать по-прежнему. Но сверх того я не склонна выполнять никаких условий.

Ингрэм. Где моя шляпа? Я просчитался. Мои мужские качества оказались недостаточными. Вы меня посадили в лужу. Вопрос исчерпан. До свидания. (Хочет уйти.)

Мисс Грей. Что вы собираетесь делать?

Ингрэм. Поеду на Восток.

Мисс Грей. Хорошо ли Ха Бе Ингрему самому становиться к стенке?

Ингрэм. Восточные люди, в сущности, вовсе не так экзотичны, как они изображаются в литературе. Это люди дела. Быть может, если я поговорю с ними по душам, они еще раз попробуют воспользоваться моими услугами.

Мисс Грей. Это люди дела. Вы считаете возможным купить у них помилование?

Ингрэм. Считаю возможным.

Мисс Грей. Ингрэм, верните мне наш договор, и я заплачу за вас выкуп.

Ингрэм. Выкуп за меня? Договор? Вы, должно быть, думаете, что я стану разыгрывать героя? Влип — так влип. Вот договор. Выкупите меня! (Дает ей договор.) Вы — атлет тяжелого веса. (Хлопает ее по ляжке.)

Мисс Грей Это влетит мне в хорошенькую сумму, Ингрэм!

Ингрэм. Если бы вы не считали, что я стою этой сделки, вы не пошли бы на нее.

Мисс Грей. Ингрэм! *(Держит договор в руках.)*

Ингрэм. Порвите его, пожалуй. Свидетелей нет.

Мисс Грей. Я выкуплю вас, Ингрэм, а договор... Возьмите его обратно.

Ингрэм. Все-таки я знал, что я — мужчина.

Мисс Грей. Вы барышник, Ингрэм. Вы — альфонс, каких свет не видал. Вы думаете, стоит хлопнуть женщину по ляжке, и можно добиться от нее всего, что хочешь.

Ингрэм. Хлопнуть по ляжке? Добиться всего, чего хочешь? Дебси, вы с вашей манерой делать дела теперь у меня в крови. Вы верите мне?

Мисс Грей. Да. Я люблю вас.

Ингрэм смеется.

Я люблю вас. Не смейтесь. Не смейтесь. Мне, вероятно, трудно было бы перенести еще раз ваш смех. Предупреждаю вас.

Ингрэм прячет договор. Перестает смеяться.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Правда умирает, красота остается.

На набережной. Воскресное утро.

В толпе.

— Что же ты думаешь, Гомес Фринк, насчет этого нелепого билля об иммиграции?

— Надо сказать, что Обезьяна хоть и продувная бестия, но у нее есть свои хорошие стороны. Она-таки добилась, чтобы запрещение спиртных напитков вошло в силу на островах на пять лет позже, чем в штатах.

— Каждый молокосос знает, что это дело рук Чарми Перучача.

— Уважаемый предыдущий оратор скоро убедится, что молокосос может орудовать кулаком так же умело, как взрослый осел.

Тише, ребята! Если вы подеретесь, от этого еще не станет ясно, что нам даст билль.

Это же Коричневые острова, мой милый.

Мужчины там плохи, а женщины тают.

Там Обезьяна всему голова.

Кто прибыл здоровым, больным уезжает.

С другой стороны, на Коричневых островах незачем носить лотерейный билет в бумажнике; здесь каждый носит свой маршалский жезл в штанах. (Смех.) Некий Тэд Келли убедился в этом на практике.

— В последние недели она значительно сократила расходы на монтажные работы.

— Матрос Гемфри, которого она последним пригласила на яхту, подозрительным образом исчез.

Некоторым людям нравится говорить гадости. Все знают, что матрос Гемфри уехал в Японию на «Зеленой надежде».

— Это Чарми Перучача помогла ему удрать.

— Все, что есть хорошего на островах, идет от Чарми Перучача.

— Трижды ура в честь Чарми! Трижды ура в честь Чармиан Перучача!

— Билль об иммиграции — неблагородная затея. Безнравственная.

— Чарми — против билля.

— А если билль не пройдет, нам крышка.

— Где пятьсот миллионов, там и нравственность. Билль об иммиграции — благородное дело, если только Обезьяне удастся его протащить.

— Кто носит на плечах такую уродливую голову, тому нужен сногшибательный успех, и тогда дела его становятся благородными.

Приедешь здоровым, гляди — зачах.

Царит Обезьяна в делах и в постели.

И деньги, и право у ней в руках.

Голос в мегафоне. Слушайте преподобного Эда Максуэла все, кто заботится о спасении своей души. За какие-нибудь пять долларов он берется вырвать ее — даже в тяжелых случаях — из рук сатаны, несмотря на опыт и

тренировку последнего. Такие низкие цены Эд Максвелл может позволить себе благодаря большим оборотам.

Проповедник Эд Максвелл (*выходит на сцену с барабанным боем, флагами и трещотками*). Трудно поверить, что в стране с канализацией, банями и автомобилями еще существуют такие субъекты, которые позволяют жадному деляге-сатане вставлять им в грудь вместо сердца мусорный ящик. И все-таки я, Эди Максвелл, божий человек по профессии, только что собственными ушами слышал, слышал с пламенным негодованием, такую песню, что только диву даешься, как это при подобном обилии нечистот Ассенизационная компания Коричневых островов давно уже не обанкротилась.

В толпе.

— Этот человек в самом деле хватается за душу.

— Да ведь он на жалованье у Обезьяны. Обезьяна и выписала его нарочно для рекламы.

— Едва ли Обезьяна способна была на такую глупость. Вероятно, это сделал ее европейский муж. Но сентиментальные европейские методы вряд ли будут иметь у нас успех.

Проповедник Максвелл. Но если какая-либо из упомянутых вонючек хотя бы единым вздохом намекнет, будто в билле об иммиграции виконтесса руководствовалась чем-либо иным, кроме чистейших, человечнейших, богоугоднейших мотивов, тогда эта вонючка узнает: снаряжая в тяжелый путь Эда Максвелла, своего провозвестника, бог дал ему не только богатый запас крепких как кулак слов, и не только изумительно искусный метод спасения душ, но и мускулы не совсем бездарного боксера. (*Становится в позу.*)

В толпе. А я что говорил? Где пятьсот миллионов, там и бог.

Проповедник Максвелл. Итак, если до моих ушей донесется еще хотя бы один звук этой мерзости, которую вы называете песней, я своими истинно христианскими кулаками так преподам истину несчастному, что он с рекордной быстротой отправится задом наперед прямо-хонько к слезоточивому сатане. (*Попа боксера.*)

Чармиан (*в автомобиле; говорит, обернувшись назад*). Милый молодой человек! Вы скорее пройдете сквозь

шольное ушко. чем выведете из употребления эту славную песню.

Толпа. Перучача! Bravo, Перучача! Троекратное ура Чарми Перучача!

Проповедник Максвелл. Американец с почтением относится к добропорядочным женщинам, но если этакая фря, этакая трещотка, у которой ум короче юбки, начинает гоготать, как гусыня, и спорить с божьим человеком...

В толпе.

— А ну, покажем ему! Вымазать его дегтем! Вывалить в перьях! Чарми провела участие в прибылях! Мы не позволим, чтобы этот шут обдавал ее из своей вонючей спринцовки.

— Чарми добилась соглашения о спиртных напитках!

— Да здравствует Чарми Перучача, ангел-хранитель Коричневых островов!

Виконт (появляется вместе со Снифкинсом). Я тут чего-то не понимаю!

Снифкинс (незаметно приблизившись к проповеднику). Испарись, слуга божий! Спорить с этой женщиной у тебя кишка тонка.

Проповедник Максвелл поспешно удаляется со своей свитой.

Чармиан (стоя в автомобиле).

Это песнь о Коричневых островах,
Где чахнут мужчины и женщины тают,
И все Обезьяна держит в руках.
Деревья от нефти там засыхают.

Толпа громко ей подпевает.

Снифкинс. У этой сволочи вместо мозгов — пюре из гнилых бананов, а вместо глаз — булыжники.

Виконт. Не понимаю. Ведь участие в прибылях провела Дебси. Соглашение о спиртных напитках провела тоже Дебси. Универсальный магазин для рабочих построила тоже Дебси.

Снифкинс. Предоставьте каждому из них собственный земной рай с личным бассейном для плавания и

отдельным ватерклозетом, — все равно вы ничего не поделаете с песней о Коричневых островах.

Толпа провожает «Песней о Коричневых островах» автомобиль Чармиан.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

«Вечер непринужденных бесед».

Ночные автомобильные гонки. Вспыхивают и гаснут снопы света от прожекторов. Трибуна мисс Грей. На трибуне — часть зрителей. Толпа скрыта темнотой.

Публика.

— Двадцать второй круг.

— Перучачин Лелли в отличной форме. Трудно поверить, что он впервые едет как профессионал.

— Замечательная это была мысль у Обезьяны — устроить ночные гонки. Но стартовать здесь — значит искушать бога.

— Перучачин Лелли едет на шестицилиндровом с вентилятором Рутса. Тут уж и сам бог выше четвертого места не займет!

Световая реклама:

«В день шестой бог создал пневматические шины «Глория» и увидел, что они хороши. И бог решил, что сотворение мира завершено, и ввел уик-энд, * который можно наилучшим образом отпраздновать посредством искусного применения пневматических шин «Глория».

— Вся эта езда в потемках дьявольски напоминает о нефтяном кризисе.

— Выиграет, конечно, Обезьяна с ее Вентли на «Глории».

— Что случилось?

Крики.

— У дебсиного Вентли как будто повреждена машина.

— Двадцать четвертый круг!

— Видите, перучачин Лелли на втором месте.

— Перучача бросает ему цветы.

— Дура! Ведь это его чертовски нервирует.

— Но она очень славная. Кстати, завтра на рассвете она уезжает в Штаты, чтобы провалить билль Обезьяны.

— Я готов во все горло кричать «ура» Перучаче, но ставлю я только на «Глорию» Деборы Грей.

Световая реклама:

Свобода воли, библия и пневматические шины «Глория» — три высших достижения человечества.

Крики.

— Уже потому, что Лелли служил прежде в Нефтяной компании, для Обезьяны будет двойным ударом, если он победит.

— Вентли все еще не справился с порчей тормоза.

— Предлагаю еще раз пари: три против одного за дебсину «Глорию».

— Это очень нехорошо с вашей стороны!

— Bravo, Лелли! Трижды ура в честь Лелио Холидея. Вперед, мальчик! Покажи ей!

— Вы все еще ставите три против одного за Обезьяну?

— Конечно, сударья.

— Ладно. Ставлю пятьсот долларов на Лелио Холидея!

— Bravo, bravo, Лелли!

Мисс Грей, Ингрэм, дядюшка Обадия, виконт, полковник Монсон занимают места.

— Bravo, Лелио Холидей!

Мисс Грей. По-видимому, моя машина в полосе невезения.

Дядюшка Обадия. Уже двадцать седьмой круг, и номер девятый почти вплотную догнал вашу «Глорию».

Мисс Грей. Номер девятый?

Дядюшка Обадия. Это — «Гемфри» мисс Перучача. Ведет машину мистер Лелио Холидей.

Публика (поет).

Воняет нефтью на островах

И кожей цветной букетом пряным.

Но доллар не пахнет в хозяйских руках,

Не властен никто над Обезьяной.

Полковник. Пусть поют эту непристойную песню, но с тем, что машина виконтессы здорово наверстывает потерянное, они ничего не поделают.

Ингрэм. Бутылка рыбьего жира!

Толпа (невероятное ликование). Браво, Лелли! Вперед, мальчик!

Публика (на трибуне).

— Что там опять?

— Он останавливается.

— Кто?

— Деборин Вентли. Все еще не в порядке тормоз.

Виконт. Это у вашей машины неисправность.

Мисс Грей. По-видимому, да.

Виконт. Я очень сожалею, что ваши цвета здесь не так победоносны, как на мировом рынке.

Публика. Трижды ура в честь Лелио Холидея!

Чармиан (входит). Так как я рано утром уезжаю в Штаты, я не могла отказать себе в удовольствии, дорогая виконтесса, еще раз приветствовать вас.

Мисс Грей (представляет ее виконту). Чармиан Перучача, первая дама на Коричневых островах.

Чармиан. Можете спокойно сказать: туземка. О таких вещах в Европе имеют смутное представление. А ведь я, можно сказать, уже в чреве матери была неполноценной. Я — «сальта атрас».

Виконт. Простите, как?

Дядюшка Обадия. Испанец и чернокожая производят на свет мулата, мулат с испанкой — мориска; мориск и испанка — «сальта атрас», что значит «прыжок назад».

Чармиан. Ваша машина великолепна, виконтесса. Не будь это неприлично, я бы сама поставила против своей. По сравнению с вашим Вентли мой бедный Лелио, конечно, краб на песке.

Виконт. Зачем вы едете в Штаты, мисс «прыжок назад»?

Чармиан. Я еду в Штаты, виконт, по поводу закона об иммиграции. Я хочу, чтобы этот остров снова стал тем, чем он был при моих предках: раем, где мало работают и много развлекаются.

Виконт. Очень поэтично, мисс Чармиан! Вы это выразили очень красиво и поэтично.

Ингрэм. Виконт не принадлежит к самым крупным мыслителям.

В публике ликование.

Публика. Вентли налетел на барьер. Ему крышка!

Световая надпись:

«Глория» — 247,6. Машина № 9—236,8.

Голпа. Покажи ему, дружище! Вперед! Наступи ему на горло, Лелли!

Полковник. А еще говорят о жестокости боя быков! Эти люди, с ликованием встречающие падение крупного спортсмена, во сто раз более жестоки.

Ингрэм. Бутылка рыбьего жира!

Мисс Грей. Вы очень побледнели, мисс «прыжок над».

Чармиан. Теперь и у моего Лелио появились шансы. (Перегнувшись через барьер.) Покажи ей, Лелли! Наступи ему на горло, Лелли!

Мисс Грей (кратко). Кому это «показать», мисс Перучача?

Чармиан. Это просто такое выражение, дорогая ви-контесса!

Публика. Покажи ему, Лелли! Наступи ему на горло, Лелли!

Надпись:

Машина № 9 — 242

Полковник. Перучача так перегнулась через барьер, что она сейчас свалится. Эти цветные совершенно не владеют собой.

Мисс Грей. Моя «Глория», по-видимому, выбыла из строя.

Полковник. Нет еще, мисс Грей. Вентли снова наперстывает.

Дядюшка Обадия. Как они кричат! Точно сами все едут в машине номер девять.

Световая реклама:

Взгляни на Горгону и погибай!

Взгляни на Неаполь и умойай!

Взгляни на «Глорию» и покупай!

Ингрэм. Исход гонок решен.

Чармиан. Бедный Лелли!

Ингрэм. Да, кой у кого вышибли из рук полную чашу.

Световая надпись:

Первый — Вентли на «Глории». 250 километров за 2 часа 47 минут, 23 секунды.

Голоса в мегафоне.

— Троекратное ура Вентли!

— Троекратное ура виконтессе Вестморленд. Флаг виконтессы!

Поднимается флаг мисс Грей. Жидкие крики «ура».

Ингрэм. От таких громких криков еще никто удара не получал. Это форменный, как говорят французы, дебакль.

Дядюшка Обадия. Дебакль — женского рода: ля дебакль.

Чармиан. Поздравляю вас, дорогая виконтесса! Я очень рада, что перед отъездом в Штаты успела побывать на этих интересных гонках.

Мисс Грей. Благодарю вас, мисс Перучача, и прошу вместе с моими гостями отпраздновать победу моей машины на Серой вилле.

Уходит с виконтом и полковником.

Ингрэм (*говорит ей на ходу*). Это провал, Дебси. Но не расстраивайтесь. Ненависть толпы подтверждает кредитоспособность ненавидимого. (*Остается.*)

Публика поет вслед мисс Грей и ее провожатым «Песню о Коричневых островах».

Чармиан (*после ухода мисс Грей*). Бедный Лелли! Но я предпочитаю свое поражение такой плохо пахнувшей победе.

Лелио (*входит*). Проклятый Вентли!

Чармиан. Не бранитесь. Вы блестяще выдержали экзамен. И вы окружены симпатией публики, как яичный желток белком. Мисс Грей пригласила нас отпраздновать ее победу на Серой вилле. Как вы думаете, джентльмены, не остаться ли нам здесь, чтобы отпраздновать наше поражение? Выпьем за здоровье мистера Лелио Холидея!

Ингрэм. Первоклассная мысль! Мы раскинем здесь наш игвам.

Дядюшка Обадия. Троекратное ура мистеру Лелио Холидею, яичному желтку!

Чармиан. Все-таки этот муж, которого она купила, этот пресный дурак с лягушечьей кровью мог бы посмотреть на меня с несколько большим интересом.

Дядюшка Обадия. Вы несправедливы, мисс «прыжок назад». Публика кричала вам «ура», а виконт поставил на вашу машину.

Чармиан. Поставил на мою машину? Это здорово! Это замечательно! *(Хлопает себя по ляжкам.)*

Ингрэм. Бесспорно, классная женщина!

Дядюшка Обадия. А вот и виконт!

Виконт *(возвращается)*. Я хотел просить вас, дамы и господа, поскорее последовать приглашению виконтессы. Разрешите сопровождать вас, мисс Перучача? Чему вы смеетесь?

Чармиан. Это мило с вашей стороны, виконт! Но мы хотим отпраздновать результат гонок здесь.

Виконт. Виконтесса будет огорчена, если вы не пожелаете на Серую виллу.

Чармиан. Прошу вас выпить с нами, виконт, если вы не гнушаетесь приглашения «сальта атрас».

Виконт. Но ведь я не могу оставить жену одну.

Чармиан. А меня вы можете оставить одну? Как вы думаете, виконт? *(Придвигается к нему.)* А, Вики?

Виконт. Нехорошо! Ну ладно, мисс Чармиан! На четверть часа.

Публика *(поет)*.

Воняет нефтью на Островах
И кожи цветной букетом пряным...

Виконт. Я нахожу, что это неприличная песня, и надо бы отучить людей от нее.

Общий смех.

Лелио. Чисто европейская идея — отучить публику от песни, ставшей боевиком.

Чармиан. Пейте, Вики! Ведь я рано утром уезжаю в Штаты, чтобы развеять в прах планы вашей супруги.

Виконт. Не могу понять, мисс Перучача, как вы говорите мне такие вещи. Может быть, вы рассказываете, что пригласили меня? *(Хочет уйти.)*

Дядюшка Обадия. Оставайтесь, виконт, и пейте. Это — «вечер непринужденных бесед», когда все друг с другом откровенны и никто не обижается.

Чармиан. Мне было бы ужасно больно, если бы вы обиделись. Вы нравитесь мне, Вики, и у меня нет ни малейшего желания избавиться от вас. Для «сальта атрас» — великая честь провести вечер с настоящим европейским виконтом. Этот коктейль я собственноручно приготовила для вас. Пейте, Вики!

Дядюшка Обадия *(сильно охмелевший)*. Вы, без сомнения, красивейшая женщина на острове, мисс Чармиан.

Но женщина-Наполеон,
На нефтяной воссевши трон,
Все же держит монополию.

Чармиан. Жаль, что ваша супруга не принимает участия в этом «вечере непринужденных бесед». Надо бы поговорить с ней по телефону, Вики!

Виконт. Боюсь, леди Дебора не расположена...

Чармиан. У меня смутное ощущение, что кое-кто из присутствующих не вполне серьезно относится к моей поездке в Штаты. Разделяет ли здесь кто-нибудь мнение этого неменяемого мастера рекламы, будто некая дама ценнее, чем находящаяся перед вами «сальта атрас».

Лелио. Я, например, не разделяю этого мнения.

Дядюшка Обадия. Что и говорить, если бы мисс Чармиан, подобно Елене, появилась на стенах Трои, даже в старцах зашевелились бы мужские чувства. Но я не могу не признать:

Да, женщина-Наполеон,
На нефтяной воссевши трон,
Владеет монополией.

Лелио. Вы видите, Вики, мы всеми помыслами неизменно пребываем с вашей супругой.

Виконт. Мне кажется, мисс Чармиан, что пушок на

вашей руке, — вот что заставило меня поставить на вашу машину. (*Целует ей руку ниже локтя.*)

Публика (*поет «Песню о Коричневых островах»*).

Царит Обезьяна в делах и в постели.
И деньги, и право у ней в руках,
Мужчины покорны в делах и в постели.

Чармиан. Мистер Ингрэм, между нами, между нами! Здесь мужчины говорят по-мужски, а я, как «сальта атрас», тоже говорю по-мужски. Скажите: вы, например, покорны ей в делах и в постели?

Виконт. Вы позволите мне, мисс Перучача, проститься с вами?

Ингрэм. Нет, нет, Вики, дружище! Теперь, когда начинается настоящий мужской разговор, вы хотите удрать?

Лелио. Тот, кто имел мужество жениться на мисс Деборе Грей, не испугается, как красная девица, крепкого словца.

Мисс Грей (*входит*). Так как мою победу, по-видимому, считают дутой и чувствуют мистера Лелио Холидея, я намерена участвовать в этом «вечере непринужденных бесед» и выслушать, что обо мне говорят.

Чармиан. Вот это славно, мисс Грей! Вы не находите, что мой бедный Лелли несколько увял, хотя сегодня у него большой день? Это такой способный юноша. В качестве начальника семнадцатого участка он уж, наверное, отложил бы пятьдесят тысяч долларов. А он решает кроссворды и в лучшем случае, ощутив прилив энергии, играет партию в теннис.

Мисс Грей. Я нахожу, что мистер Холидей держался весьма стильно. На моей «Глории» он безусловно пришел бы первым.

Лелио. Еще вопрос, что лучше: поражение и такой широкий успех у публики или дутая победа.

Публика (*поет*).

Царит Обезьяна в делах и в постели,
И деньги, и право у ней в руках.

Чармиан. Так как же, мистер Ингрэм? Вы мне еще не ответили на мой вопрос.

Ингрэм. Не ответил на вопрос? Вздор.

Чармиан. Неужели здесь есть люди, которым присутствие виконтессы связывает язык?

Мисс Грей. Неужели мое присутствие связывает язык мистеру Ингрему?

Чармиан. Мы говорили об известной вам песне. Я спросила мистера Ингрема: подчиняется ли, например, он в постели?

Виконт. Пойдемте, леди Дебора!

Мисс Грей. Ни в коем случае, мой мальчик! Мисс Перучача — дама, интересующаяся людьми, которые ее окружают. Это «вечер непринужденных бесед», и тут ведется мужской разговор. Мы в нем участвуем.

Чармиан. Так как же, мистер Ингрэм? Вы слышите: мисс Грей шутки по вкусу.

Ингрэм. Я не намерен отвечать.

Чармиан. Как это стильно со стороны мисс Грей, что дутую победу она разрешает называть дutoй победой.

Мисс Грей. Вы полагаете, что я не перенесу ваших слов, мистер Ингрэм, если они будут сказаны?

Ингрэм. Да, не перенесете.

Чармиан. Теперь я жду с еще большим нетерпением! Вы заговорите, наконец, Ингрэм?

Мисс Грей. Это направило бы мужской разговор в особенно ясную колею.

Ингрэм. Я говорить не желаю!

Чармиан. Похоже на то, что вы все-таки покорны!

Ингрэм (*ворчит*). О покорности и речи быть не может!

Мисс Грей. Это сказали вы или это сказала она?

Ингрэм. Чего только не говорила эта «она»!

Мисс Грей. А то, что сказано, надо уметь выслушать. Вообще надо уметь выслушивать то, что есть. Не так ли, мистер Ингрэм?

Ингрэм. Да, надо уметь.

Мисс Грей. Человек вашего склада, пожалуй, говорит то, что есть.

Чармиан. Значит, по-видимому, вы покорны, мистер Ингрэм?

Ингрэм. Хорошо, я выскажусь на эту тему. Я буду говорить о слове «покорность». Я скажу, кто покорен. Если вы этого желаете, я приведу точные слова.

Чармиан. Какие же это слова? Какие были сказаны слова? Говорите, говорите, это очень занимательно.

Мисс Грей. Не забывайте, мистер Ингрэм: нужен мальшечек вашего склада и ваших качеств, чтобы сказать слова такие слова.

Ингрэм. Да, человек моих качеств произнесет эти слова. Слова большой пробивной силы. Такие слова, как «Ха Бе, сердечко мое!» — звучат в известных устах безусловно убедительно.

Чармиан (звонко хохочет). «Ха Бе, сердечко мое!» Сказать это вам, Ингрэм? Действительно, презабавно!

Ингрэм (вторя ее смеху, запекает на мотив «Коричневых островов»). «Ха Бе, сердечко мое!» (Хлопает себя по ляжкам.)

Общий громкий смех.

Чармиан. Мне очень жаль, что я должна ехать в Штаты и покинуть вас, Ха Бе, сердечко мое!

Виконт. Я вас настоятельно прошу, Дебора, пойдете.

Мисс Грей. Да, мой мальчик. Теперь мы идем. Это был «вечер непринужденных бесед». Вы смелый человек, мистер Ингрэм. Счастливого пути, мисс Перучача.

Уходит с виконтом.

Чармиан. Ну, джентльмены, мне кажется, я ее хорошо отделала. Это был большой успех. А теперь надо уезжать.

Дядюшка Обадия. Коктейли как-то сразу потеряли прежний вкус.

Лелио. И явно запахло нефтью.

РЕЖИССЕР ОБЪЯСНЯЕТ

В пьесе, как вы заметили, речь о борьбе.
Сильному человеку жить мешает
Безобразное лицо, и он судьбе,
Не желая смириться, вызов бросает.

Смотрите, пока не решится исход,
И вы унесете домой назиданье.
Жизнь Дебси Грей перед вами пройдет,
А жизнь ее стоит вашего вниманья.

Судьба, не редкая в двадцатых годах.
Она содержит бодрости урок.
Ибо на сцене люди отбросили страх,
И не согласны быть стертыми в порошок.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Презрение проникает даже сквозь панцирь черепахи.

На Серой вилле мисс Грей.

Мисс Грей (одна). Итак, я отступаюсь от человека, еще недавно близкого моему сердцу, от Ха Бе Ингрема, потому что он сказал то, что есть. (Заводит граммофон.)

Граммoфон (воспроизводит слова, сказанные на вечере непринужденных бесед»). Да, человек моих качеств произнесет эти слова. Слова большой пробивной силы. Такие слова, как «Ха Бе, сердечко мое!» — звучат в известных устах безусловно убедительно. (Громкий смех.) «Ха Бе, сердечко мое!» Сказать это вам, Ингрем? Действительно презабавно!

Мисс Грей. Какой смех! Эта женщина и в самом деле проявляет живой интерес к окружающим, и она умсет хорошо смеяться. Превосходная пластинка — ясно слышно, как хорошо, от всего сердца смеется Чарми. Это шарварский остров. Но презрение проникает даже сквозь панцирь черепахи. Самый рьяный проповедник не мог бы требовать от меня, чтобы я спала хорошо, когда кто-то смеется от всего сердца, как на этой пластинке.

Граммoфон (звонкий хохот). «Ха Бе, сердечко мое!» Мне очень жаль, что я должна ехать в Штаты и покинуть нас, Ха Бе, сердечко мое! (Звонкий хохот.)

Мисс Грей. Это низко. Сукины дети! Недолго вам смеяться, подлые души! Солнце меня не греет, покуда эта женщина смеется. Море мне не солоно, сон меня не укрепит

и пища не насытит, пока в мире будут звучать этот смех, эти подлые шутки.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Сведение счетов.

На яхте мисс Грей.

Каюта. Горят свечи. Торжественное и мрачное убранство. Мисс Грей и Ингрэм за столом.

Ингрэм. Зачем вы велели зажечь свечи, Дебора? Ведь здесь есть электричество.

Мисс Грей. Ешьте, Ингрэм! Хотя говорят, что на известной вилле стол лучше, чем здесь, но сегодня я сумею угодить даже на самый взыскательный вкус.

Ингрэм. Что это за патетическая музыка? Почему могильные белые цветы на столе?

Мисс Грей. Для крющона я велела взять поммери, которое вы так любите.

Ингрэм. Для чего вы надели этот торжественный туалет? К чему вся эта куклуксклановская обстановка?

Мисс Грей. Быть может, все это и в самом деле обставлено несколько безвкусно. Однако, чего вы хотите? Это варварский остров, — его цивилизация зародилась в эпоху, когда здесь жили одни ссыльные преступники. Но я никак не могу допустить, чтобы два таких мамонта, как мы с вами, простились друг с другом по-будничному, точно какие-нибудь сельди.

Ингрэм. Простились друг с другом? Вы покидаете Коричневые острова?

Мисс Грей. После вашего плодотворного сотрудничества в подготовке билля вам будет, конечно, неприятно, что последнее сражение произойдет уже без вас.

Ингрэм. Плодотворное сотрудничество? Сражение произойдет без меня? Довольно напускать туману! Говорите со мной, как взрослый человек, а не как жеманный головастик.

Мисс Грей. Хорошо, Ингрэм. Протестуйте. У вас запутанный лицевой счет, мистер Ингрэм. Впрочем, нельзя отрицать, что в вашем активе есть внушительные статьи. И вы вправе пошуметь теперь, в час расчета.

Ингрэм. Не будете ли вы добры объяснить мне, зачем вы затягиваете меня во всю эту банальщину? Можно

подумать, что все это состряпано бездарным кинорежиссером

Мисс Грей. Взгляните, прошу вас, на этот чек. Это результат долгих переговоров, которые я вела с известными господами с Востока насчет мистера Ха Бе Ингрема. Решено было, что если сегодня к полуночи я вручу им этот чек, они откажутся от своих планов относительно упомянутого Ха Бе Ингрема.

Ингрэм. Я так и думал, что вы договоритесь с ними.

Мисс Грей. Видите ли, в связи с этим я и пригласила вас сюда. *(Разрывает чек.)*

Ингрэм. Что это значит?

Мисс Грей. Я отступаю от вас. Я предоставляю этим людям свободу действий.

Ингрэм *(сильно побледнев)*. Вы хотите помочь им вычеркнуть меня из списков?

Мисс Грей. Я пришла к заключению, что товар не соответствует цене.

Ингрэм. Я отказываюсь участвовать в третьеразрядном фильме, где мужчины, которые спали с вами, исчезают. У меня своих дел полный короб.

Мисс Грей молчит.

Вы, вероятно, не можете забыть «вечера непринужденных бесед», Дебси. До сих пор мир еще не имел основания предполагать, что такой тяжеловес, как вы, способен на сентиментальность воспитанницы пансиона.

Мисс Грей молчит.

Автомобильные гонки взвинтили нервы. Мы пили. Мисс Перучача, несомненно, классная женщина. Почему было не побаловать ее? Такому знатоку людей, как вы, конечно, неизвестно, что для каждой женщины — праздник, если подшутят над другой. Чарми никогда не простила бы мне, если бы я молчал. Но кто мог подумать, что Дебси Грей примет всерьез подобную вещь?

Мисс Грей. Я ошиблась, принимая вас всерьез, Ингрэм. Я сказала вам, что мне трудно было бы перенести наш смех.

Ингрэм. Вы сказали, однако, что перенесете.

Мисс Грей. Я и перенесла. А теперь я заставляю вас расплатиться. К счастью, это в моих силах.

Ингрэм. Я не терплю метафизики. И не люблю лирической болтовни.

Мисс Грей. Однако в тот вечер вы все же болтали.

Ингрэм. Но и злейший враг мой не назовет это лирикой. Серьезно, Дебси, без высокопарных слов: разумеется, с классной женщиной спят, если добиться этого не слишком хлопотно. Но «с постели долой, из сердца вон». Вы и я, Дебора, это нечто иное. Это — дело. В течение пяти минут я вел себя глупо. Очень сожалею. И этим весь глупый инцидент исчерпан. Кончено. Точка. Ну, так как же, маленькая Дебси? Троекратное ура Деборе Грей и Ха Бе Ингрэму?

Мисс Грей. Отклоняю. Видите ли, в этом была ваша ошибка. Верно, что из шести крыс пять бегут к самцу. Но вы слишком на это понадеялись. Вы не приняли в расчет, что я могу оказаться шестой.

Ингрэм. Шестой? Я полагал, что вы — все пятеро вместе. Но давайте прекратим эту бессмыслицу. Господа с Востока не понимают шуток, а теперь уже половина двенадцатого. Пошлите им, наконец, чек!

Мисс Грей. Если этого требует ваш грошовый «железобетонный» оптимизм, то можете и впредь надеяться, что вы обведете меня вокруг пальца. Только вы напрасно себя обольщаете.

Ингрэм (в отчаянии). Пастыри Израиля! Нельзя же просто вычеркнуть такого орла, как я. Нельзя же просто сказать ему: «Я ожидала от тебя иного. Исчезни!»

Мисс Грей. Я ожидала от тебя иного. Исчезни!

Ингрэм. Вы ведь позволяли всему свету смеяться над вами. И часто смеялись вместе со всеми.

Мисс Грей. Вам я этого не позволила.

Ингрэм. Надо уметь выслушать то, что есть.

Мисс Грей. Кто предается этому виду спорта — говорить то, что есть, — рискует дорого поплатиться.

Ингрэм. Я не принадлежу к числу ваших безличных мужчин, которых идет тринадцать на дюжину.

Мисс Грей. Поэтому я и не позволяла вам смеяться надо мной. Вы были предупреждены. Вы поступили вопреки предупреждению. Выболтали, как дешевый анекдот

... что никому не следует слышать. Неужели вы думали, что достаточно похлопать меня по ляжке, и я вся затрепещу и скажу: «Ха Бе, сердечко мое!». Просчитались! Обанкротились, сердечко мое! Обанкротились, вы, альфонс!

Ингрэм. Думаете, что кто-нибудь ляжет с вами ради ваших прекрасных глаз? Добудьте хоть целый океан нефти, все равно вы останетесь Обезьяной.

Мисс Грей. Bravo! Раскройте карты! Бросьте мне в лицо список моих долгов! Не стесняйтесь! Вполне понятно, что человек в вашем положении выворачивает наизнанку свое грязное нутро.

Ингрэм. До чего нелепо устроен мир, если такой человек, как я, попадает в руки женщины, наживающей капитал на своем уродстве. Вы сами знаете, что сумели одолеть меня только потому, что вы — не настоящая женщина, а аномалия.

Мисс Грей. Bravo! Хорошо подано! Но только пользы мало. Крах, Ингрэм. Грандиозный крах!

Ингрэм. Не смейтесь так глупо. А то я заткну вашу широкую глотку!

Мисс Грей. Презабавно, не правда ли, когда такая женщина, как я, говорит мужчине: «сердечко мое». А не забавно ли, когда у мужчины в третий раз выбивают из рук полную чашу. Крах, сердечко мое! Барышник! Хвастун, кобель тщеславный!

Ингрэм (хватает ее). Идем!

Мисс Грей. Что тебе надо?

Ингрэм. В постель. С тобой!

Мисс Грей. Ты опять лжешь, альфонс! Думаешь, тебе хоть раз удалось меня провести? Думаешь, я когда-нибудь хоть на иоту верила, что море нефти может разжечь мужчину в постели? Идиот! Идиот и лгун!

Ингрэм. Я не лгал. Ты на самом деле проникла мне в кровь.

Мисс Грей. И потому ты смеялся?

Ингрэм. Это все-таки правда.

Мисс Грей. Потому, что уже без десяти двенадцать?

Ингрэм. Это останется правдой и после двенадцати.

Мисс Грей. Пусть даже так, но теперь смеюсь я! Я люблю тебя, Ингрэм, но я не выпишу чека. Я люблю тебя

за твое уродливое сердце. Но люди с Востока слопают тебя, а я буду смеяться.

Ингрэм (хватает ее). Идем, Обезьяна!

Мисс Грей. Кто покорен? (Она вырывается. Танцует вокруг него.) Кто смеется? Кто покорен? Нет, я не побегу, как те пять! Я не выпишу чека! (Садится в изнеможении, тяжело дышит.) Вы исчезнете, Ингрэм. Вас сожрут морские рыбы. На Коричневых островах ничего от вас не останется, кроме восклицания «Пастыри Израиля!». Я не выпишу чека. Ты вычеркнут, Ингрэм. Я люблю твое костлявое лицо; люблю тебя за уродливость твоего сердца. (Умолкает. Пьет. Затем говорит очень деловито.) Это был хороший прощальный жест — под самый конец попытка заставить меня поверить, что вы действовали бескорыстно. Я предлагаю вам дельце, Ингрэм. Вы, кажется, говорили, что я в состоянии перековать свои женские неудачи в деловые победы?

Ингрэм. Я готов дать вам возможность заработать.

Мисс Грей. Когда, полагаете вы, ваша доля в делах Островной компании составит сумму, обещанную этим людям?

Ингрэм. Не позже, чем через три года. Но я готов отдать вам доходы за пять лет.

Мисс Грей. Само собой разумеется, вы отказываетесь, и на этот раз окончательно, от всяких претензий по договору. Кроме того, вы возвращаете все суммы, полученные вами в качестве члена правления.

Ингрэм. Это — шантаж.

Мисс Грей. Да, конечно. Далее, вы перепишите на нас ваш текущий счет в Союзном банке.

Ингрэм. Вам и о нем известно?

Мисс Грей. Да, мне известно об этом счете.

Ингрэм. Если я перепишу на вас этот счет, я — нищий.

Мисс Грей. Итак, вы переписываете этот счет на Островную компанию.

Ингрэм. Иранские концессии достанутся вам очень дешево, Дебси.

Мисс Грей. Зато вы, Ха Бе, оставите остров живым. (Звонит.)

Ингрем. Иранцев вы уже не застанете.

Мисс Грей. Это мы сейчас увидим. Пишите, Ингрем.

Ингрем пишет. Дядюшка Обадия входит.

Присаживайтесь еще здесь?

Дядюшка Обадия. Собираются уезжать.

Мисс Грей. Скажите им, что они получают обещанное через пять минут. Этот господин, дядюшка Обадия, желает сегодня же ночью покинуть остров. Сообщите по радио на «Калифорнию», что сегодня ночью отсюда уйдет пароходик, с которого они его заберут.

Дядюшка Обадия. Вы так торопитесь, мистер Ингрем?

Мисс Грей. Да, этот господин очень торопится.

Дядюшка Обадия. Это оригинальная и достойная мужчины манера путешествовать.

Мисс Грей. Господа из Ирана располагают очень ограниченным временем.

Дядюшка Обадия уходит.

Ингрем (*передает ей написанное*). Чаевые в сумме десяти тысяч долларов вы ведь оставите мне, мисс Грей, после того как вы так первоклассно выпотрошили меня?

Мисс Грей. Да, это вы, как профессионал, должны признать: выпотрошила я вас художественно.

Ингрем. Мои выгодные концессии — фьюить! Мои связи с Ираном — фьюить! Я даже не извлек из этой истории урока на будущее. Ибо вы — аномалия. Голый, как курица в супе, покидаю я этот остров, на который вступил, исполненный обоснованных надежд.

Мисс Грей. Да, Ингрем, ваши концессии я получила дешево.

Ингрем. Пастыри Израиля! Даже ваша манера облизывать проникает мне в кровь.

Мисс Грей. Вот ваши десять тысяч. Вам понадобится немало времени, мой мальчик, пока вы снова нагуляете жирок.

Дядюшка Обадия (*входит*). Господа из Ирана согласны ждать еще пять минут, и ни секунды больше.

Мисс Грей. Вот, передайте им этот чек.

Ингрем. До свидания, Дебора Грей.

Мисс Грей. Нет, не до свидания, Ха Бе Ингрем. Прощайте, голый Ингрем! Я предпочла бы не совершать эту первоклассную сделку, к которой вы меня принудили.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Чувство или дело?

На Серой вилле.

Мисс Грей (одна). Жаль, что мне пришлось разделаться с Ингремом. Мое тело помнит многих, мои глаза помнят многих, но сердце мое помнит только мужчину Ингрема... Ее смех, однако, еще звучит. С тех пор, как я разделалась с Ингремом, ничто не изменилось к лучшему. Все стало еще хуже.

Приносят телеграмму.

Победа! Нефтяной кризис ликвидирован. Эта телеграмма обеспечивает содействие правительства. Билль — дело решенное. Победа! С тех пор как я вырвала из сердца этого альфонса, все идет хорошо. С тех пор как я не думаю о дороге пяти, все складывается прекрасно. Но у него были хорошей формы скулы, и ушел он как настоящий мужчина. Нелегко привести к одному знаменателю любовь и нефть. Но если ты человек, а не крыса, надо найти возможность сочетать поведение пяти с поведением одной. Есть люди, которые телом и душой принадлежат вилле Перучача. Но иные будут, как пьяные негры, радоваться успеху Деборы Грей. (Делает несколько па.) Кто поставил на ноги издыхавшую Островную компанию? Дебси Грей. Не думаю, чтобы я лишилась сна, если Чарми Перучача не будет на свете. Но нет сомнения, что я не смогу спать, пока она веселится, вспоминая слова моего друга Ингрема. Если я устрою, чтобы телеграмма попала в ее руки, она ее опубликует, так как друзья скажут ей, что это даст девяносто шансов из ста за перемену позиции Вашингтона. Опубликовав телеграмму, она совершит антигосударственный акт, ее можно будет привлечь к суду, и я смогу взять ее за горло. Но если она опубликует телеграмму, подыметесь такой невероятный вой, что Вашингтон, возможно, и в самом деле переменит позицию. А тогда моя нефть утечет в

Очень трудно будет помешать Вашингтону переменить позицию. На острове плохо без нефти. На острове плохо, пока Чарми Перучача разгуливает по нему. Талантливейший полководец рискует исходом одного сражения, чтобы выиграть всю войну. Я устрою так, чтобы телеграмма пошла ей в руки. (По телефону.) Мистер Снифкинс! (Вешает трубку.) Быть может, от этой комбинации Коричневый остров взлетят на воздух. Но с этой женщиной будет покончено, и сон Дебси Грей будет восстановлен.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Бой обезьяны с дикой кобылицей.

На Серой вилле. Мисс Грей, Снифкинс.

Мисс Грей. Вы доставили сюда эту особу со всеми необходимыми предосторожностями?

Снифкинс. Эта особа была арестована тайной полицией на своей вилле и доставлена сюда в ее собственной машине так, что прохожие ничего не могли заметить.

Мисс Грей. Хорошо. После беседы, которую я буду иметь с этой дамой по поручению директора полиции, я поведу вас. Если я скажу: «Мы кончили», вы отвезете эту особу ближайшим путем в тюрьму для подсудимых. Если я скажу: «Прошу вас, займитесь дальнейшим», вы поведете автомобиль в гавань. Если бы там была предпринята попытка освободить даму, вы всеми средствами должны такую попытку подавить, не щадя жизни этой особы. Понятно?

Снифкинс. Понятно, мисс Грей. Если вы скажете: «Прошу вас, займитесь дальнейшим», я повезу эту особу в гавань. Если бы там была предпринята попытка к бегству, я должен всеми средствами ей противодействовать, не щадя жизни дамы.

Мисс Грей. Хорошо.

Снифкинс уходит.

Теперь исход в ее собственных руках.

Чармиан (входит). Вы позволили себе несколько странную шутку, дорогая виконтесса, заставив меня таким оригинальным способом нанести вам визит.

Мисс Грей. Шутка не такая уж странная, мисс Перучача, по сравнению с той, которую вы позволили себе, передав Японии некоторые документы государственного департамента. Эту шутку так мало оценили в Вашингтоне, что против ее автора возбуждено преследование по обвинению в государственной измене. Так как я хочу избежать громкого скандала, я исполняю просьбу директора полиции побеседовать об этом деле с вами лично и секретно.

Чармиан. Непонятно, виконтесса, как вы хотите избежать скандала на острове, где уже много лет все происходящее является сплошным скандалом?

Мисс Грей. Должна ли я принять ваши слова за признание?

Чармиан. Что это, допрос?

Мисс Грей. Вы поступите благоразумно, если поймете нашу беседу именно так. Почему вы передали документы Японии?

Чармиан. Потому что таким путем будет сорван этот проклятый билль, а вместе с ним вылетит в трубу и Островная компания.

Мисс Грей. Ваши советчики полагают, что она вылетит в трубу?

Чармиан. Мои советчики полагают, что теперь акции Островной компании можно будет приобрести за бесценок.

Мисс Грей. Ваши советчики, быть может, и правы — на сегодня. С таким лицом, как ваше, можно, пожалуй, кое-чего добиться. Но блеф будет очень недолговечен.

Чармиан. Такому лицу, как ваше, никакой блеф не поможет. Прикройте его самыми крупными чеками, все равно — мужчины чеки возьмут, но будут делать вид, что они ни при чем.

Мисс Грей. Об этом, мисс Чармиан, мы как будто уже беседовали, кажется, после автомобильных гонок. Я имела случай выслушать то, что есть. Но я не так глупа, чтобы с своей стороны говорить то, что есть.

Чармиан. Тогда я скажу вам то, что есть, Дебси Грей. Банкротство. Крах. Теперь вы уже не сможете покупать себе мужчин. Ваша нефть уплывет в океан. У вас не останется ничего, кроме вашего лица.

Мисс Грей. Мое лицо никогда не мешало мне достигать своих целей. А чего вы достигли, Чармиан Перучача?

Чармиан. Когда я говорила: «Сердечко мое», у мужчины пробежала дрожь по телу. Вряд ли они смеялись, когда я говорила такие слова.

Мисс Грей. Если я была смешна, почему же вы были так ненавидели, Чарми?

Чармиан. Потому что вы испакостили остров своим лицом и своей нефтью. Теперь нефть испарилась. Остается только смеяться.

Мисс Грей. Это очень сладко — торжествовать, Чарми?

Чармиан. Да, это сладко. Это слаще, чем ласки мужчин. Это слаще всего на свете. За что вы теперь возьмете, Дебси? Вы больше не будете гнать своих грязных палки через мой сад. Морской ветер навсегда унесет запах нефти. Вы больше не будете заманивать в постель мужчин вашими грязными долларами.

Мисс Грей. Презрение проникает даже сквозь панцирь черепахи. Вы думали об этом, мисс Чармиан?

Чармиан. Да, но я думала также, что с таким лицом, как ваше, надо по крайней мере преуспевать в делах. Вы лишены даже этого.

Мисс Грей. А может быть, вы напрасно промышляли своей «классной» особой? Может быть, Островная компания все же устоит? Ваши советчики многому научились в школе Дебси Грей. Ну, а вдруг Дебси придумает еще ход, им пока не известный?

Чармиан. Туманная болтовня, Дебси. Кончено. Вы уже не помешаете пристать к острову пароходу с моими гостями; вы уже не сорвете мне праздника.

Мисс Грей. Но пусть даже Коричневые острова избавятся от запаха нефти; ведь пока-то против вас возбуждено преследование!

Чармиан. Каждый день, даже в тюрьме, будет для меня праздником, раз я знаю, что Нефтяные острова, как тиковые, перестанут существовать. Серая вилла будет ликвидирована, и растительность старых Коричневых островов скроет ваши цистерны и вонючие вышки.

Мисс Грей. Не говорите плохо о моем острове. Это хороший остров, остров труда, и он мне дорог. Но, конечно, верно, что вы не подходите к нему, а он к вам. Ваша вилла здесь лишняя; ваши мужчины — здесь лишние; ваши

духи не вяжутся с запахом нефти. Сделайте выводы. Так же верно, как то, что под моими фотоснимками пишут: «Обезьяна», под вашими никогда не напишут: «Властительница Коричневых островов». Неужели вы хотите лучшие свои годы провести в тюрьме? Пока в моей власти замять ваше дело, и я предлагаю вам честную сделку. Продайте мне виллу Перучача, покиньте острова, и я все улажу.

Чармиан звонко хохочет.

Вы умеете хорошо, от всей души смеяться. (После паузы.) Если я могу исполнить какое-нибудь ваше поручение или вообще что-нибудь сделать, я к вашим услугам.

Чармиан. Это звучит так, словно мне угрожает электрический стул. У меня подкосились ноги, и я вся похолодела.

Мисс Грей. С такими нервами незачем пускаться и политику. Не предпочитаете ли вы все-таки отказаться от островов?

Чармиан. Нет, дорогая виконтесса. Я нахожу эту борьбу весьма занимательной. Вы, кажется, выразили желание исполнить мое поручение? Так передайте, пожалуйста, привет нашему Ха Бе Ингрему, если он еще существует.

Мисс Грей. Я постараюсь передать привет по назначению, мисс Чармиан. Мне очень жаль, что мы не пришли ни к какому соглашению. Прощайте, мисс Перучача. (Звонит.)

Снифкинс входит.

Пожалуйста, займитесь дальнейшим.

Снифкинс уходит вместе с Чармиан.

(Одна.) Хорошо, что я решительно покончила с этим неприятным делом. Мои легкие дышат прекрасно; мое сердце бьется ровно. Возможно, что теперь билль об иммиграции в самом деле провалится. Возможно, что моя нефть в самом деле уплывет в море. Удар, который я нанесла, — удар мастерской, но очень рискованный. Еще вопрос, удастся ли мне снова пустить в ход мою засорившуюся машину. Неужели я становлюсь сентиментальной? Неужели я раскаиваюсь? Я не раскаиваюсь. Это самая дорогая забава,

которую я себе позволила, но я никогда не была скупа. И щедро расходовала свои нервы, жизнь своих ближних, даже свою собственную жизнь и прежде всего доллары. Многие не поймут, как я решилась устранить Перучача, рискуя при этом потерять все, что я приобрела в жизни. Кто Ха Бе понял бы. *(Уходит в свои мысли, смотрит пристально в одну точку, сидит неподвижно.)*

Дядюшка Обадия *(входит возбужденный)*. Не говорите мне ничего, Дебси. Не приводите никаких доводов. Мисс Грей *(вздрагивает)*. Уже? Так быстро?

Дядюшка Обадия смотрит на нее, молчит.

Лалилуйя!

Дядюшка Обадия. Отвернитесь от меня. То, что вы сделали, — самое ужасное, что я пережил на этом острове.

Мисс Грей. Кто бы подумал, что дядюшка Обадия может вести себя, как барышня из рождественского рассказа!

Дядюшка Обадия. Может быть, у вас есть основания. Может быть, эта смерть была необходима. Но я уже не молод и не обязан вести себя по-мужски.

Мисс Грей. Вы помешали мне грезить, дядюшка Обадия. Я стояла перед судом. У всех — у судьи, прокурора, защитника, присяжных, зрителей — было одно лицо — мое. Борьба шла не на жизнь, а на смерть. Меня оправдали.

Дядюшка Обадия. Всем известно, что я могу заставить любую вещь рифмоваться с долларами. Но на смерть Чармиан я не напишу стихов. Я не останусь здесь. Мои нефтяные оды хороши, но в будущем я предпочитаю переводить Гомера.

Мисс Грей. Я надеялась, что логика дядюшки Обадии устоит даже в том случае, если уйдет к праотцам обладательница очень нежной кожи. Хорошо иметь вблизи себя человека, который тебя понимает. Прошу вас, оставайтесь, дядюшка Обадия!

Дядюшка Обадия. Я уйду не из-за обладательницы нежной кожи. И не потому, что, вероятно, нашлось бы менее радикальное решение, будь вашим партнером не такая классная женщина. И не потому, что она прилась

мне по сердцу, как хороший коктейль. Но у меня не хватает дыхания. Мне хочется переводить классиков для юношества. А литературу для взрослых пусть делают люди помоложе. Вот почему я прошу вас отпустить меня, Дебси!

Мисс Грей. Я больше не настаиваю, дядюшка Обадия.

Дядюшка Обадия уходит.

(Одна.) Когда ими владеет похоть, они все становятся сентиментальны. Итак, дядюшка Обадия покинул меня. Но я чувствую себя очень хорошо. Теперь я твердо знаю, что никогда не раскаюсь. Возможно, что нефть уплывет от меня, но и тогда у меня будет хороший аппетит, я часто буду выходить в море на своей яхте, у меня будет хорошее настроение, и уж конечно я буду хорошо спать. Презрение проникает даже сквозь панцирь черепахи. Но полагаю, что отныне многие не раз подумают, прежде чем посмотреть на меня сверху вниз. Найдутся еще люди, которые, как дядюшка Обадия, назовут меня жестокой. Найдутся еще люди, которые скажут, что вокруг меня дурно пахнет. Они будут правы. Весь остров пахнет дурно. Это варварский остров. Но мне он нравится!

Занавес